

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

АНТОЛОГИЯ, ДАЮЩАЯ НАДЕЖДУ



Жуков Лазарев Бирюкова Гигель Манукян Тунникова Вереско Павлова Соловьева Аге Маршан Романова Федора
Разинкина Саргасов Овчинина Нели Натпша Чашев Гаркушев Лебедев Львова Ливая Филипович Храпская
Галатенко Романов Сарфин Дроздова Хротов Радуга Герювский Лазаренко Лебединская Шелегов

Сборник
Юлиана Лебединская
Путеводная звезда
Серия «Антологии (Снежный ком)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182401

Путеводная звезда. Антология, дающая надежду / Составитель –

Юлиана Лебединская: ИП Штепин Д.В.; Москва; 2023

ISBN 978-5-6047188-9-6

Аннотация

В тяжелые смутные времена очень нужны произведения, дающие надежду. Мы сделали для вас целую антологию таких рассказов под названием "Путеводная звезда". Истории, вошедшие в неё, очень разные, но все их объединяет одно – как бы ни было темно вокруг, всегда найдётся место для надежды и луча света. Большинство рассказов сами по себе очень светлые и добрые. Однако есть и довольно мрачные и жёсткие, но – тоже с путеводной звездой, светящей героям из тьмы. Мы надеемся, что антология, которую вы держите в руках, добавит и вам лучик света!

Содержание

Ангелы и люди	6
Алексей Жуков	6
Дмитрий Лазарев	20
Жанна Бирюкова	54
Семья и время	67
Алла Гугель	67
Евгений Макухин	71
Юлия Тужикова	78
Игорь Вереснев	93
Желания и редкие чудеса	119
Майк Гелприн	119
Василиса Павлова	149
Конец ознакомительного фрагмента.	155

**Путеводная
звезда. Антология,
дающая надежду
Составитель –
Юлиана Лебединская**



Издательство «Снежный Ком М»
ИП Штепин Дмитрий Вадимович

www.skomm.ru

E-mail: contact@skomm.ru

© Юлиана Лебединская, 2023

© ИП Штепин Д.В., 2023

Ангелы и люди

Алексей Жуков С чертом по душам

Свет в конце туннеля становился все ближе. Он словно расталкивал темные края и тянулся навстречу, заполняя все вокруг. Ощущение времени осталось позади, и Кирилл не мог сказать, сколько это уже продолжалось. Но легкость и отсутствие иных направлений не давали об этом даже задуматься.

Вскоре свет окружил его полностью, лишив всякого ориентира. Пропали невесомость и чувство полета, развеялся ореол отрешенности. Осталась лишь легкость, но и та разлилась по телу почти неосязаемым ситцем.

А еще через мгновение белый туман расступился, и Кирилл огляделся.

Это была комната. Светло-серые стены, такие же пол и потолок, будто выкрашенные эмалью из одной банки. Причем так идеально, что взгляд не мог зацепиться даже за стыки стен и пола, не говоря уже о самой их поверхности. Ни царапинки, ни зазоринки, ни пятнышка. Единственное, что выбивалось из общего фона, это темно-серые створки лифта

впереди.

Кирилл был уверен, что это именно лифт. Да и две кнопки на панельке справа от створок не оставляли сомнений.

Он подошел и осмотрел треугольные клавиши. Одна, ярко-белая, светилась и указывала острым концом наверх. Вторая, черная, с едва пробивающейся алой подсветкой, указывала вниз.

С мгновение Кирилл размышлял, а потом, повинаясь какому-то внутреннему порыву, потянулся к черной кнопке.

— Ну и зачем, Кирилл Андреевич? — слышался вдруг сзади чей-то голос.

Кирилл обернулся. У стены появилось кресло, хотя буквально секунду назад комната была совершенно пуста. А на светлой кожаной обивке, опершись на подлокотник и печально водрузив подбородок на кулак, сидел мужчина.

Лет тридцати пяти — сорока, с худым лицом, крючковатым носом и заостренными скулами. Темные волосы, зачесанные на косой пробор, дополнялись клиновидной бородкой и тонкими усиками. Одет незнакомец был в темно-синий костюм-тройку, белую рубашку и галстук, который огненно-красной змеей обвивал стоячий воротник.

— Простите?

— Зачем, спрашиваю? — устало повторил тот. — Где логика? Интерфейс же простой, интуитивный. Даже примитивный. Белое — хорошо, черное — плохо. Наверх — Рай, вниз... Продолжать надо?

— Ад? — Кирилл осмотрел себя. Больничная пижама никуда не делась, но была какая-то неестественно гладкая, без единой складочки. — Так я умер?

— О да!

— А это что? Чистилище?

— Оно самое, — кивнул незнакомец.

— Странное какое...

— А как вы его представляли? Что-то типа зала ожидания? Нет, у нас хватает ресурсов для индивидуального подхода к клиентам. Странно то, что вас это заботит больше, чем сама ваша смерть. Впрочем, — он вздохнул, — вам не впервой.

— То есть?

Незнакомец опять вздохнул и щелкнул пальцами. Рядом возникло еще одно кресло.

— Прошу, присаживайтесь. Нам предстоит непростой разговор.

Кирилл настороженно сел. Светлая обивка под ним мягко прогнулась, но не более. Никакого ощущения, что опустил пятую точку на облако. Не выпрыгнули из-за спинки и черти с цепями в руках. Просто кресло.

— А вы кто? Апостол?

Незнакомец вдруг резко преобразился. Костюм сменился на белый хитон, а борода на лице быстро разрослась, поседела и вытянулась до груди.

— Иже еси на небеси, — пропел он заунывно. — Амен! Похож?

Он потряс головой, и светлый облик осыпался мелкими блестящими осколками. А к прежней внешности добавились выступившие на лбу маленькие рожки и алый огонек в зрачках.

— Нет. Я — официальный представитель иной организации. Небесная Канцелярия — наш прямой конкурент.

— Значит, вы — дьявол?

— Увы, тоже нет. Просто черт. Хоть и не рядовой. В отдел работы с клиентами, знаете ли, кого попало не берут.

— А как вас звать? — Кирилл никогда не изучал демонологию, но слышал, что имена лукавых не отличались простотой.

— Зовите меня Захар. Знакомое имя?

— Да, так звали моего друга. Бывшего...

— Который украл у вас деньги? А потом еще и девушку увел?

— Да, — признал Кирилл озадаченно. — Но это было так давно. В молодости, полвека уже прошло.

— Однако обида осталась, верно? Вот. Благодаря этому маленькому черному «червячку» нам и разрешили побеседовать.

Кирилл потер ладони: те были вполне осязаемы, только неестественно сухие, гладкие и без старческих пятен. Затем спросил удрученно:

— Будете склонять меня ко Тьме?

Захар весело рассмеялся. Утер выступившую слезу.

– Не поверите. Наоборот. Хочу предложить вам билет в Рай.

Кирилл подозрительно уставился на черта.

Тот уловил его прищур и откашлялся:

– Не верите? Понимаю. Но, посудите сами, разве вам и так недостает адских мучений?

Он снова щелкнул пальцами, и между кресел появился столик с диапроектором и коробочкой слайдов. А на противоположной стене возник прямоугольник матерчатого экрана.

Черт подцепил из коробки фотопластинку и вставил в аппарат. На белой материи тут же вспыхнула картинка.

Это был Кирилл. Он лежал на больничной койке. Истощенное бледное лицо, лысая голова, тяжелые темные мешки под глазами. Один сплошной отпечаток боли и пиршества долгой болезни. А вокруг, среди нависающей аппаратуры, суетились врачи.

Захар задумчиво почесал подбородок:

– У вас же последняя стадия, верно? Обезболивающее почти не помогает. Потому этот недоучка-анестезиолог и вколол вам сверх дозы. Идиот. Впрочем, что взять со вчерашнего студента, больше думающего о том, как стащить препараты со склада. Кстати, с ним у нас тоже разговор не за горами, только куда короче и иного содержания. Но я отвлекся.

Он чуть наклонился и доверительным тоном сказал:

– Вот теперь вас и пытаются откачать. Но, задумайтесь,

стоит ли?

— А что, — зло спросил Кирилл, — в Аду лучше, что ли?

— А вы думаете, вы где?! — вспыхнул вдруг лукавый, сверкнув огнем в глазах. — Вы — тамошний — где?

Захар выдохнул и продолжил уже спокойно:

— Давайте-ка я вам кое-что разъясню. Обычно мы этого не делаем, но вы-то у нас случай особый...

И черт стал рассказывать:

— Борьба Света и Тьмы длится уже давно. Нешуточные битвы полыхали в космических просторах, когда человека еще и в помине не было. Большой взрыв только случился, а силы Добра и Зла уже хлестали друг по другу разрядами чистой энергии невиданной мощи. Передать масштаб гремевших тогда сражений не могу даже я, а вам его не осмыслить и подавно.

Захар подождал, пока собеседник переварит услышанное, и продолжил:

— Однако паритет был непреодолим. Тогда и был создан человек. Именно потому он в свое время вылез из пещер, а желания его перестали ограничиваться только жратвой, сном и хорошим трахом. У человека появилась душа, ставшая ключевым элементом в нашем бесконечном споре.

Черт поменял слайд. На экране появилось изображение Земли с дальней орбиты.

— О, сколько креатива было приложено, чтобы сделать из этого куса камня то, чем он является сейчас. Это единствен-

ный экземпляр совместного творчества Тьмы и Света. Правда, райские инженеры занимались в основном эстетической мишурой. Ну, и непосредственно производством самих душ. Наша же сторона взяла на себя основную работу по функционированию. Так что после запуска проекта он сразу перешел под наш патронаж. — Он указал пальцем на картинку. — Вы его называете Земля. И даже не догадываетесь, что это именно то место, которое в своих мыслях, книгах и речах издавна нарекаете Адом.

Он поймал сомневающийся взгляд Кирилла:

— Да-да. Это именно Ад. Вас разве никогда не смущал тот гигантский объем несправедливости, что царит на планете? Это все — наша работа, которую мы неустанно и добросовестно (фу, какое слово) выполняем. Нет никаких подземелий, никаких котлов и девяти кругов. Все это выдумки наших средневековых агентов, суть которых состояла лишь в том, чтобы задержать вас в настоящем Аду как можно дольше.

— Но Свет? Свет не мог в этом участвовать!

— Еще как мог! Разумеется, исключительно из светлых побуждений. Как там было... — Черт закатил глаза и монотонно, будто вспоминая занудный текст, продолжил:

— Рай открыт для каждой души. Космос, всепознание, мириады миров и наслаждений. Никаких оков брэнного тела, подверженного боли и страданиям. Бытие вне материй, времен и границ человеческого понимания. Вроде так, если не

врут их буклеты. Впрочем, клерки из Небесной врать не умеют.

Он откинулся на спинку кресла и скрестил пальцы:

— Но, по договору, сначала человек должен пройти через Ад. По той самой дороге, что вы зовете жизнью. Но не просто пройти, а сохранить внутри как можно больше Света, которым вас при рождении и наполняют трудяги Рая. Наша же задача: заложить в вас за это время столько Тьмы, чтобы в конце вы могли увидеть только черную кнопку.

— И что там? После черной кнопки?

— А ничего, — хмыкнул Захар. — Обратненько на Земельку. И все по новой, сквозь тернии к лифту. Определенные религиозные направления у вас называют это реинкарнацией.

— Но ведь в мире столько прекрасного! — Кирилл всплеснул руками. — Нет, наш мир не может быть Адом!

— Давайте уже просто примем это как факт! Ладно? — Черт хлопнул ладонью по подлокотнику. — Хотя отчасти вы правы. Мы недооценили людей. Еще на старте проекта Свет предложил дать человеку внутреннюю свободу. Мы не возражали: наши прогнозисты были уверены, что это еще больше подтолкнет вас к саморазрушению. Но тут и крылся подвох.

Захар помолчал с минуту, будто решая продолжать или нет. А может, и больше: Кирилл совсем не чувствовал времени.

— Вы не поддаетесь логике. Даже сквозь разрушения и жестокость вы все равно умудряетесь нести этот гребаный Свет. Мы насылаем на вас голод, а вы, вместо того, чтобы жрать друг друга, делитесь с ближним последней краюхой. Мы подключаем ураганы, штормы и наводнения, а вы создаете полотна с изображением стихий и восхищаетесь ими. Мы поднимаем на новый уровень войны, культивируем ненависть, совершенствуем садизм. А вы все равно, даже в самом кровавом огне, не перестаете искать добродетель. Как? Почему? Зачем?

Лукавый развел руками:

— А деньги? Это же была поистине гениальная задумка креативного штаба! Они не просто извратили ваши желания, они въелись во все сферы душевной и материальной деятельности. Сколько неравенства, сколько страданий породили звонкие монеты. Мы до сих пор статистику сводим. И что же? — Черт всплеснул руками. — Вы даже их приспособили к делу Света. Благотворительность, помощь неимущим, меценатство... И прочая ересь, противная самой природе капитала!

— Боюсь, — задумчиво протянул Кирилл, — чтобы это понять, недостаточно иметь лишь облик человека.

— Возможно, — легко согласился собеседник. — Возможно даже, что рано или поздно наши аналитики найдут разгадку. Лично я предполагаю, что у таких людей просто слишком крепка та внутренняя нить, что ведет их к Раю. Во всяком

случае, они уходят в свое космическое бытие и нас более не волнуют. Но вот вы... Вы!

– Что — я? — нахмурился Кирилл.

– Вы же никак не уgomонитесь! Вам в этой комнате уже персональные тапочки полагаются!

Он поставил новый слайд. На экране возникла черно-белая фотография.

Руины домов, почерневшие фасады, танк с опущенным стволом, столб дыма, выбивающийся из люка машины. Тела, лежащие и сидящие вокруг. А посреди этого солдат в измазанной кровью гимнастерке, который бережно несет на руках пятилетнюю девочку.

– Это — вы в прошлой жизни. Ваш взвод уничтожили, вы ранены, и вы умираете. Однако спасаете немецкого ребенка. Несете его в соседнюю деревню, в которой вас добьют местные, едва вы повернетесь к ним спиной. Кинжалом, на котором выбиты слова про честь и верность. Вы догадываетесь, что так произойдет. Но все равно идете из последних сил. Даже несмотря на то, что в преддверии смерти чувствуете, что это дочь того самого танкиста панцерваффе, который тремя годами ранее с веселым смехом въехал в вашу хату. А потом еще дал задний ход, когда увидел, что промахнулся мимо женщины с ребенком на руках.

Захар сменил слайд. На экране снова появился черно-белый снимок, только гораздо худшего качества. Однако это не помешало разглядеть мельчайшие детали.

Объятое пламенем здание. Изъеденная огнем вывеска, что сорвалась с креплений и лежит теперь поперек распахнутой двери. На ней виднеются буквы из старого алфавита, в конце надписи проглядывает твердый знак. А в массивную раму снизу упирается спина человека в смешном шлеме. Лицо и руки его обожжены, но он из последних сил держит вывеску приподнятой, чтобы в щель под ней могли проползти испуганные люди.

— Пожарная экипировка в начале двадцатого века была далека от совершенства, — прокомментировал черт. — Уж мы старались, как могли, оттягивая данный прогресс. Но это не мешало подобным вам бросаться на огонь с голыми руками. Вот и вы тогда сгорели живьем. Полностью, до угольков. И это было очень-очень-очень больно. Но до самого конца вас так и не смутило, что вы спасаете семью ростовщика, который содрал с вас последнюю шкуру и не забыл даже при пожаре прихватить расписки по вашим долгам.

Он поставил новый слайд.

Теперь это было не фото. Скупые линии, примитивная перспектива и контраст цветов выдавали в картинке древний рисунок. Но, как и прежде, ничто не могло скрыть деталей, отсылающих на этот раз к Средним векам.

Всклоченный бородач лежит на земле, прикрывая голову руками. Испуганные глаза широко раскрыты, губы искажены болью, а грубая полотняная рубаша порвана и испачкана в дорожной пыли. Сверху, ухмыляясь, стоят монгольские

воины и тыкают в несчастного древками копий.

— Иго в самом своем расцвете. — Захар с удовольствием закатил глаза. — Отличное времечко было. Сколько дьявольских стартапов было запущено за эти триста лет. Но вот для вас персонально — не лучший период. Как раз под самую раздачу попали: три раза захватчики по вашей деревне прошлись. Первый раз мамку насильничали, второй — ее же, пузатую, поколотили. А заодно и вас в утробе помяли, да так, что умом ребеночек не задался. Односельчане потом бастарда не взлюбили, хоть и не стали убивать дурачка. А когда мамка вздернулась от стыда, и вовсе распоясались. Пинка только ленивый не прописывал, когда вы со свиньями корыто делили. — Лукавый с деланым сочувствием покачал головой. — Вам, с такой судьбиной да отбитым умом, взять бы да возненавидеть весь мир. Так нет же! Когда монголы третий раз явились, а деревенские ушли в леса, вы их так и не выдали. Даже когда на копья вздернули и стрел забавы ради понатыкали. А ведь вы знали в том лесу каждую кочку, ямку и ягодный куст.

— Послушайте, — черт хлопнул себя ладонью по лбу, словно его осенило, — а может, вам это нравится? Быть терпилой? Может, вы — мазохист? Кайфуете, когда о вас ноги вытирают?

Кирилл покачал головой. Затем задумался и спросил:

— Я ведь не один такой? Вряд ли бы вы так распинались, если бы я действительно являлся уникалом. Верно?

Захар молча отвел глаза. Кирилл кивнул:

— Значит, так и есть. Вы строите столько козней, насылаете столько бед. Трудитесь без сна и отдыха. А ваши аналитики тем временем едят свой хлеб совершенно незаслуженно.

Черт вскинулся:

— Объяснитесь.

— А вы не задумывались, почему Небесная Канцелярия так легко отдала вам Землю? Да потому, что есть такие, как мы. Те, кто не просто пронесит Свет сквозь жизнь, чтобы потом нажать белую кнопку. Мы приумножаем его и оставляем в этом мире. Для вас это сродни эпидемии — вот почему вы рвете на себе волосы и рога. И нас становится всё больше, несмотря на все чертовские ухищрения. Вы, конечно, можете утопить планету в огне, возможностей для этого предостаточно. Но, я уверен, никогда не уничтожите человечество полностью, ибо тогда распишетесь в собственной несостоятельности.

Кирилл встал.

— А пока в мире будет хоть горстка людей, мы будем возвращаться вновь и вновь. И оставлять свой светлый след.

Он подошел к лифту и протянул палец к черной кнопке.

— Если вы рассчитываете сейчас на новую жизнь, — зло-
радно произнес черт, — то зря. Вас откачают, и боль вернется. Она будет еще долго пожирать вас, вкупе с бесполезной терапией. Бравлада — это офигительно, конечно, но подумайте хорошенько.

– То есть до среды я еще дотяну? Отлично! Как раз отойду от препаратов. А боль... Потерплю. Мне не привыкать, сами знаете.

– А что в среду? — неожиданно жалобно спросил лукавый.

Человек посмотрел на него и решительно вдавил темную клавишу:

– Сын обещал внучку привезти. Соскучился.

Дмитрий Лазарев

Производственная необходимость

Никогда еще Энджи так сильно не хотелось выругаться. Но в ее работе, а тем более при руководстве это строго запрещалось. Поэтому она ограничилась политкорректным:

— Шеф, но так же не делается! Это против всяких правил!

— Я все понимаю, Энджи. Поэтому и прошу, а не приказываю. Производственная необходимость.

— Да какая необходимость?! — Кипение внутри здорово мешало, и плохие слова вновь чуть не вырвались. — По одному объекту на сотрудника — это же закон!

Шеф в очередной раз кротко вздохнул. Терпение его казалось бесконечным. Все-таки, несмотря ни на что, Энджи с ним повезло. Другой бы уже давно повысил голос на строптивую подчиненную. И неважно, что она со всех сторон права.

— Понимаешь, произошел несчастный случай. Гард... гм... оказался временно нетрудоспособен. А заменить пока нечем — все сотрудники загружены выше головы!

— А я, значит, не загружена? — рискнула еще раз возмутиться Энджи.

— Просто ты одна из немногих, кто способен вести два объекта сразу... потенциально.

— Но реально я ни разу...

— Я знаю, — мягко прервал ее шеф. — Пойми, Энджи, это ненадолго. Как только Гард вернется в строй или мы подберем замену, ты сможешь вернуться к работе в привычном формате. А пока...

Энджи с тоской поняла, что отвертеться не получится.

— Ясно, — уныло ответила она. — Когда приступать?

В глазах шефа на миг мелькнуло облегчение, что ему не пришлось давить. Энджи не обольщалась его мягкостью: упрись она рогом, шеф мигом перестал бы казаться либеральным и понимающим.

— Через пару часов. Спустись в канцелярию. Там получишь всю необходимую информацию. И, конечно же, твой особый режим будет учтен в дальнейшем, ты меня понимаешь?

— Конечно, шеф. Разрешите идти?

— Ступай с богом.

* * * *

Усыпляюще гудел мотор автобуса, а по обе стороны от дороги вырастал мрачный темно-зеленый частокол дремучей еловой тайги. Виктор Воронин невидящим взглядом смотрел в окно. Тянущийся по ту сторону стекла однообразный пейзаж нисколько его не интересовал — видел он его много раз. Виктору было под сорок, но ранняя седина уже отвоёвывала на его шевелюре прочные плацдармы. Сухощавый, с уг-

ловатым лицом, он не был совсем лишен внешней привлекательности, но тяжелые, нависшие над глубоко посаженными глазами брови придавали его лицу мрачное выражение, которое усугублялось и самими глазами. Темно-карие, почти черные, они казались неживыми. Экипирован он был в самый раз для многодневного похода по тайге: одежда, обувь, объемистый рюкзак и ружье в чехле — все говорило за то, что пассажир, с отсутствующим видом глядящий в окно, — бывалый охотник. Но для полноты образа ему не хватало собаки и спутников — ведь мало кто ходит на охоту в одиночку — половина удовольствия пропадает, да и рискованное это дело, особенно в тайге.

Впрочем, Виктор ни в чьем обществе и не нуждался. Скорее, напротив — он и в автобус-то сел по одной простой причине — хотел оказаться как можно дальше от всех. И охота была скорее поводом, чем причиной. А причин было более чем достаточно: того, что Воронин оставлял в Красноярске, было нисколько не жалко: нелюбимая работа, унылая холостяцкая однушка на окраине, которая после болезненного развода пришла на смену семейной двушке в центре, отсутствие всяких перспектив на изменение к лучшему — о чем тут жалеть? О могиле отца, которого похоронил год назад? О друзьях, которых нет? Две недели отпуска, с боем вырванные у начальства, — это ничтожно мало... если только ты собираешься возвращаться. Виктор не собирался. Столько времени сдерживавшие его малодушные соображения о хле-

бе насушном вдруг резко стали неважны. Сбежав из заключения, стремиться обратно? Только по тому, что «в турме сейчас ужин, макароны дают»? Нет уж, спасибо!

Там, за спиной, осталась чужая территория, на которой Виктору больше не было места. Впереди, в зеленом море тайги... кто знает? Было ли вообще на этой земле место, которое Виктор мог назвать своим? Холодная пустая квартира, оформленная на его имя, — не в счет. Это не дом, а всего лишь место, где можно переночевать. И Виктор даже не пытался делать его уютнее, будто сам себя считал недостойным этого, наказывал себя за что-то.

Нет, все, та жизнь позади, а будет ли что-нибудь впереди, вопрос к тайге. Пусть она решает.

* * * *

Купа Энджи, разумеется, нашла в баре. Порой ей казалось, что его там можно найти в любое время. И когда только работать ухитряется? Впрочем, его работа — не чета Энджиной: не привязан к объекту, гибкий график, путешествия... Эх, грешно завидовать коллеге, но вот как-то само получается. Впрочем, сегодня он был нужен Энджи. И не в качестве понимающего собеседника, как обычно, а именно в своей профессиональной ипостаси.

— Куп, привет, ты не очень занят? — начала она и тут же поняла, что сделала большую ошибку.

– Не занят?! — Куп закатил глаза. — Ну почему все считают, что я ничего не делаю, а только прохлаждаюсь?! То, что у меня нет постоянного объекта, вовсе не значит, что я предаюсь греху постыдной праздности! Это дискриминация, в конце концов!

– Куп!

– Да я, может, работаю больше вас всех! У некоторых, между прочим, объекты такие, что можно месяцами в потолок плевать. Вот у кого лафа! А мне по всему миру колесить приходится! Да любого из вас поставь на мое место, вы за полгода свихнетесь...

– Куп!!

– У меня заданий знаешь сколько? Я, может, в первый раз за много часов отдохнуть присел...

– КУП!!!

– Ладно, чего тебе, Энджи?

Тон его оставался ворчливым, но интонаций праведного гнева, кажется, поубавилось. Этим следовало срочно пользоваться, поскольку настроение у него менялось по десятку раз за час.

– Куп, у меня большая проблема. И помочь можешь только ты. Не будь все так серьезно, я бы и не подумала тебя беспокоить, но...

Он вздохнул с интонациями мученика.

– Вот что бы вы все без меня делали? А туда же...

– Куп!

– Ладно-ладно, рассказывай давай!

* * * *

Аша, бесшумно переступая широкими лапами, не спеша перемещалась по лесу. Через густой ельник идти было тяжело даже ей. Тайга уже пятнадцать с лишним лет была ее домом, но, увы, прошло то время, когда крупная и сильная рысь не знала здесь голода и бед. Годы брали свое. Когда-то гладкая, лоснящаяся шерсть сделалась клочкастой с проплешинами, правый глаз теперь видел не очень, спасибо уродливому шраму над ним — последствию одной из схваток за территорию, а левое ухо было вдвое короче правого — это уже после драки с волками. Жизнь последнее время не щадила одинокую самку, и, несмотря на обилие добычи, Аше все чаще приходилось голодать — сила и сноровка были уже не те, что раньше.

Сейчас у хищницы как раз здорово подвело живот — удача в охоте не сопровождала ее уже несколько дней, причем это случалось все чаще. Сейчас добыть бы хоть что-нибудь. На худой конец даже падаль сгодится. Иначе она скоро совсем ослабеет, а к слабым тайга безжалостна.

Внезапно чуткий нос Аши уловил неподалеку странный запах. Это не был обычный запах добычи, он содержал что-то чужеродное и опасное — что-то из мира двуногих. Огонь, железо, еще какая-то резко пахнущая гадость, но и кровь то-

же. Не будь Аша так голодна, она бы, пожалуй, предпочла сбежать от этого запаха куда подальше. Но не сейчас. Дикий голод глушил в ней природную осторожность. Двуногие так двуногие. Да, у них часто бывают гремящие железки, изрыгающие смерть. Одна такая железка несколько зим назад убила Маха, и с тех пор Аша была одна. Но где двуногие, там вполне может оказаться и пища: охотники, как правило, выбирают в лес с собаками, а порой удается у них и подстреленную добычу умыкнуть. А голодные спазмы в желудке скоро станут совсем невыносимыми.

И Аша решилась — она тяжело потрусила в направлении странного запаха.

* * * *

— Ты ведь это сейчас не серьезно, правда? — с надеждой спросил Куп, когда Энджи закончила рассказ. Его лицо сделалось совсем кислым.

— А похоже, что я шучу? — Энджи сурово срубила его чаяния на корню.

— Тогда ты, по-моему, свихнулась...

— Просто у меня нет другого выхода.

Он понизил голос.

— Да ты хоть понимаешь, о чем просишь? Если руководство, — совсем уже тихо сказал он, — что-то...

— Никто ничего не узнает! — Голос Энджи звучал, слов-

но у матери, успокаивающей плачущего малыша. — Если ты сработаетшь аккуратно.

— Тебе легко рассуждать! Я ведь не табуретки сколачиваю. Тут тонкость нужна... Не нравится мне все это!

Энджи вздохнула и предъявила самый весомый аргумент.

— Ты мне должен, помнишь? Если сделаешь, мы в расчете.

К унылому выражению лица Купа добавилась вселенская тоска во взгляде.

— За горло берешь, да? Не ожидал от тебя такого.

— Прости, Куп, но я же говорила: вариантов у меня — не разбежишься...

— Хорошо, я сделаю... Но как бы тебе самой потом не пожалеть. Подобное, оно ведь даром не проходит...

* * * *

Боль... Мир Ларисы Голубевой, казалось, весь состоял из боли. Порой, не сдержавшись, она начинала едва слышно подвывать от муки, терзавшей ее тело, а потом, уткнувшись в чахлую траву, беззвучно рыдала, подрагивая плечами. Слезы, казалось, давали временное облегчение, но отнимали силы, а силы ей сейчас были нужны все, без остатка. Чтобы выжить.

А ведь эта неделя так хорошо начиналась. Ей, ведущему корреспонденту газеты «Красноярский регион», выпала редкая возможность — провести несколько дней с губерна-

тором, который как раз собрался в поездку по территории края. Такого случая многие всю жизнь ждут и не могут дождаться: удачный репортаж подобного рода мог стать путевкой в большую жизнь.

Облет на вертолете лесных угодий Лесосибирского района она, если честно, рассматривала чуть ли не как развлекательное мероприятие. Но как раз там и подкараулила беда. Внезапно чихнул и смолк двигатель, и остановился главный несущий винт. Лариса еще успела заметить растерянность и ужас на побелевшем лице губернатора, когда началось неконтролируемое падение. Вертолет рухнул в самую гущу здоровенных елей, что несколько отсрочило его соприкосновение с землей.

Ларисе дико, безумно повезло, что ее выбросило из вертолета до удара о землю, но на недостаточной высоте, чтобы убиться. Ветви елей несколько смягчили падение, но острая боль пронзила левую лодыжку, и Голубева с каким-то отстраненно-тоскливым чувством осознала, что это перелом. Вертолет с треском рухнул метрах в десяти от нее, гулкий и страшный удар сотряс землю, а несколькими мгновениями позже загудело пламя. В глазах Ларисы потемнело, и, видимо, она на некоторое время отключилась... чтобы прийти в себя в царстве боли.

Немилосердно болели отбитые ребра и правое плечо, но все это была сущая ерунда по сравнению с адом, который ярился в левой ноге. Мысли в голове Ларисы носились, слов-

но насмерть перепуганные ежики в тумане. Паника и отчаяние гасили голос разума, а боль мешала соображать. И все же несколько мыслей ей удалось выловить, но ни одна из них оптимизма не внушала.

Одна в тайге со сломанной лодыжкой, без соответствующей экипировки, запаса еды и воды она долго не протянет. Мобильник, о котором она подумала первым делом, при падении разбился вдребезги, так что надежда только на спасателей, которые, несомненно, будут искать пропавший вертолет губернатора. Вот только... просто ли так упал вертолет? Лариса почему-то сомневалась. Все-таки она не зря была ведущим корреспондентом главной общественно-политической газеты края. Губернатор был крут и решителен. Многие его шаги вызывали недовольство в определенных весьма богатых и влиятельных кругах, когда глухое, а когда и явное. Могла быть катастрофа подстроена этими самыми недовольными? Вполне. Насколько знала Лариса, они и не на такое были способны. Но в подобных случаях надо если уж действовать, то наверняка, потому что вероятность выживания губернатора имелаась — она же вот выжила. А стало быть, искать вертолет будут не только спасатели, но и наземная группа чистильщиков, работающих на организаторов катастрофы. Если они найдут Ларису раньше спасателей — ей не жить.

Конечно, не исключено, что эти страхи — лишь порождение ее паникующего журналистского сознания, гораздого

выдавать теории заговора. Может, и нет никакой группы чистильщиков, да и сама катастрофа запросто могла оказаться результатом обычной технической неисправности вертолета. И все же Ларисе безумно захотелось оказаться подальше от груды искореженного металла, охваченной пламенем, в которую превратился злосчастный вертолет. Хоть как, хоть ползком. А мысль, что, покинув место катастрофы, она и спасателям затруднит поиски, просто утонула в новой волне паники.

И Лариса, сжав зубы и тихо подвывая от боли в ноге, поползла прочь.

* * * *

Раньше Виктор думал, что «идти куда глаза глядят» — это просто метафора. Но сам он сейчас действовал именно так. На самом деле Воронин принял решение еще в Красноярске, но даже сам себе в этом не признался: никаких возвращений, билет в один конец. Глупо. Если не находишь в себе сил продолжать жить и смелости покончить со всем разом, а отправляешься в еловые дебри, надеясь, что тайга сделает то, на что ты сам не способен, зачем экипироваться по максимуму, брать с собой карту и компас? На случай, если тайга сжалится, а ты передумаешь?

Он шагал и шагал, стараясь не думать и осознанно не выбирать направление, но инстинкты никуда не денешь. Охот-

ник со стажем, Воронин прекрасно знал, что от компаса и карты мало толку, если ты хотя бы приблизительно не знаешь, где находишься. Вот мозг Виктора подсознательно и ловил ориентиры — приметные деревья, овраги, бурелом, направление, в котором осталось шоссе. И сколько себя ни убеждай, что все это ему не понадобится, в мозгу рыболовным крючком засело «а вдруг».

Правда, шагал он все же исключительно по наитию — специально ведь попросил водителя автобуса остановиться в том месте, где никогда не бывал. Виктор никому не сказал, куда едет, не предупредил. Еще почти две недели его точно никто не будет искать, а потом уже и поздно станет.

Запах гари Воронин уловил совершенно внезапно и даже замер от неожиданности: что это — лесной пожар? Для ко-стра запах был слишком сильный, а для пожара стояла слишком влажная погода — уже несколько дней шли дожди. Пер-вым желанием Воронина было двинуться прочь от источника запаха: в таежной глуши огонь редко возникает сам по себе. Исключение — удар молнии, но ведь и гроз не было... Стало быть, причина — в человеке, а это сильный аргумент, чтобы держаться подальше. Но тут проснулось любопытство, чего с Виктором уже давненько не случалось. Он только гля-нет, и все — ни во что не будет вмешиваться.

Воронин на всякий случай достал ружье, зарядил его и за-шагал в направлении запаха, мимоходом приметив пару ори-ентиров.

Идти пришлось недолго. Вскоре к запаху гари добавился треск огня, а в просветах между стволами сосен и елей уже виднелись оранжевые отблески. Виктор взял ружье на изготовку и, тихо ступая, приблизился к прогалине. Сразу выходить не стал, а осторожно выглянул в щель между двух деревьев и...

— Твою мать! — потрясенно вырвалось у него.

* * * *

Прогалина, собственно, не была прогалиной. Было бы слово «проломина», ее следовало бы назвать именно так. Что-то большое, железное и уродливое рухнуло сверху, сломало несколько деревьев, а теперь пылающей грудой обломков лежало среди поваленных стволов и веток. У Аши при виде этого зрелища шерсть встала дыбом. Первым ее желанием было — сбежать. Ни от двуногих, ни от их железных штуквин, ни от огня ничего хорошего ждать не приходилось. Не будь Аша столь голодна, она бы, пожалуй, так и сделала, но сейчас... Страх отступал, а запах паленого мяса, явственно исходящий от горячей груды железа, делал стареющую хищницу смелой почти до безумия. Ей еще ни разу не доводилось пробовать плоти двуногих — хватало здравого смысла держаться от них подальше. Но тут они были мертвы и ничем не могли помешать Аше. И охотиться не надо: даже один взрослый двуногий — это довольно много мяса.

Оскалившись и осторожно ступая мягкими лапами, рысь медленно приблизилась к обломкам. Где-то там были тела. Несколько, она чуяла. Если удастся выдернуть хотя бы одно...

И тут впереди грохнуло, пламя взметнулось высоко вверх, и Аша, утробно мяукнув от ужаса, метнулась прочь. Отбежала, впрочем, недалеко — голод удержал. Тела оставались там, среди железа, но ярящееся пламя не позволяло к ним подобраться. Однако Аша чуяла и кое-что еще. Запах двуногого, смешанный с запахом крови. След, ведущий прочь от «проломины». Двуногий. Живой, но раненый, а значит, слабый. Добыча. Какое-то время Аша колебалась — помнила гремящие железки двуногих. Но если Аша в ближайшее время не поест, ее тоже ждет смерть, только медленная.

Рысь тихо зарычала, оскалив желтеющие клыки, и пошла по следу.

* * * *

Это был жуткий путь. К дикой боли в ноге, ушибленным ребрам и плечу добавилась рана на руке, которую Лариса поначалу не заметила. Теперь эта рана здорово саднила и неостановимо кровоточила. Лариса попыталась было перевязать ее, оторвав часть рукава своей блузки, но даже на это ей не хватило сил, плюс раненая рука была правая, а левой Голубева работала не очень ловко. С кровью уходили силы,

которых и так-то было не шибко много. К тому же Ларису все больше охватывал страх — она понимала, что оставляет кровавый след, и достаточно внимательный преследователь сможет ее по нему отыскать.

Несколько раз из глаз Голубевой начинали течь слезы боли, отчаяния и бессилия, хотелось просто лечь и вырубиться, а там будь что будет. Но Ларису останавливало воспоминание о летчике Мересьеве, книжку о котором она прочитала в школе и очень долго ходила под впечатлением. Нетипично для современности, но школьный кумир шел с Голубевой через всю жизнь. И сейчас она тоже вспомнила о нем. Мересьеву было намного хуже, чем ей, но он не сдался и победил. Значит, и она сможет. Лариса считала себя довольно-таки спортивной девушкой, но сейчас силы у нее заканчивались пугающе быстро и приходилось часто отдыхать. С каждым разом снова пускаться в путь стоило ей все больших усилий, как физических, так и волевых. Найти бы убежище, где худо-бедно можно схорониться, но пока ничего подходящего на глаза не попадалось. В довершение всех бед начал всерьез заедать таежный гнус, а никакого средства против насекомых-кровососов у Ларисы, разумеется, не было. «Я в аду!» — порой думала Голубева, но старалась поскорее отгонять эти мысли, которые отнимали последние силы.

На торчашую из земли глыбу гранита Голубева практически наткнулась, поскольку ползла, глядя в землю прямо перед собой. Теперь же, подняв голову и оглядев глыбу, Лари-

са слегка приободрилась: глыба, скорее, напоминала небольшую скалу и торчала из земли под острым углом. А под наклонной ее стороной образовалось что-то вроде маленькой пещеры, в которой можно было укрыться.

«Ну же, давай, давай! — уговаривала себя Голубева. — Совсем чуть-чуть осталось и сможешь передохнуть». Правда, ей сейчас каждый метр давался отчаянными усилиями, но близость глыбы немного поднимала дух. Конечно, она не была ни спасением, ни даже полноценным убежищем. Просто вехой, до которой Лариса заставила себя двигаться. А что дальше... она просто не знала. Об этом можно подумать потом. Так, еще... еще, преодолеть кочку, сжать зубы, чтобы не вскрикнуть от боли в сломанной ноге... и коснуться, наконец, глыбы. Теперь надо снова собраться с духом, чтобы совершить еще один рывок и обогнуть глыбу... Она только немного отдохнет, посидит, прислонившись спиной к камню, ладно? Совсем немного...

А в следующее мгновение Лариса замерла, ощутив на себе чей-то взгляд. Осторожно повернула голову и едва сдержала крик ужаса: с расстояния нескольких метров на нее, пылая янтарным, смотрели глаза крупной рыси. Голубева читала, что обычно эти кошки на людей не нападают, но если и так, то эта, похоже, была не в курсе: хищница медленно приближалась, вся напружиненная и готовая к прыжку.

Несколько мгновений панического ужаса, а потом рука Ларисы непослушными от усталости и страха пальцами рас-

стегнула молнию на барсетке и вытащила оттуда миниатюрный электрошокер. Рысь между тем приблизилась еще на пару шагов. Еще чуть-чуть — и она выйдет на расстояние прыжка. Голубева понимала, что шансов у нее немного: вымотанная, со сломанной ногой против двадцатикилограммовой хищницы, а единственное оружие — шокер — так себе аргумент. И все же Лариса нажала на кнопку. Треск разрядов шокера заставил рысь вздрогнуть и остановиться. Хищница оскалилась, обнажив устрашающие клыки, и глухо зарычала: очевидно, этот звук ей не нравился. Голубева продолжала давить на кнопку, не останавливаясь, а рысь, немного поколебавшись, начала обходить ее по кругу: похоже, отказываться от добычи она не собиралась. С отчаянием Лариса подумала, что это конец — вопрос времени, когда рысь преодолеет свой страх и бросится на нее.

Она сначала не поняла, что случилось: что-то затрещало в густом ельнике неподалеку, рысь вздрогнула и посмотрела в направлении шума. А следом за ней повернула голову и Лариса. И вскрикнула: из зарослей на поляну шагнул мужчина. Вооруженный.

* * * *

В том, что выживших там остаться не могло, сомнений не оставалось: обломки вертолета напоминали адскую жаровню. Языки пламени вздымались на несколько метров. Нет,

кто бы ни летел в упавшей машине, мир его праху. И приближаться к огню Виктор не собирался: ну его нафиг, вдруг дополнительные баки взорвутся. Подумал и сам же мрачно усмехнулся: «Ты зачем сюда приперся, дружок? Жизнь опротивела? Так в чем же дело?» Умирать да, но не так же! Нелепо как-то. «А в смерти в принципе немного смысла, — тут же возразил он сам себе. — Вот в жизни его еще можно поискать...» Однако Воронин тут же шикнул на обоих спорщиков в своей голове: за последние месяцы он уже понял, что эта дискуссия может быть бесконечной. И, вместо того чтобы продолжать спор, он огляделся. Уже, скорее, для очистки совести, чтобы убедить себя в том, что сделать ничего нельзя, и спокойно уйти отсюда.

Но тут его взгляд наткнулся на пятна крови на сломанной ветке совсем недалеко от его ног... А вон еще на траве. И еще... И след из примятой травы и борозды в земле, словно кто-то полз по-пластунски. Ого! А ведь, похоже, есть выживший! По всей видимости, кого-то выбросило из падающего вертолета и этот кто-то остался жив. Ранен, но жив. Несколько мгновений колебаний — и Виктор решительно зашагал по следу.

Он, конечно, сильно сомневался, что выживший при катастрофе сможет уйти далеко ползком, но невольно ускорял и ускорял шаг. Что-то внутри подсказывало Виктору, что тут можно и опоздать. А вскоре он услышал треск разрядов электрошокера и вовсе перешел на бег, стараясь, впрочем, особо

не шуметь. Выживший действительно ушел недалеко — звуки доносились с ближайшей же прогалины. Виктор так спешил, что все соображения насчет подкрасться и осторожно выглянуть вышибло из его головы страхом опоздать. Поэтому на прогалину он буквально вылетел на полном ходу, застав там жутковатую сцену: к здоровенной глыбе гранита тяжело привалилась спиной, сидя на земле, рыжеволосая молодая женщина, одежда которой для хождения по тайге категорически не годилась. Левая нога ее находилась в несколько неестественном положении, что наводило на неприятные мысли о переломе, а правая рука была вся в крови. В левой же она держала электрошокер и непрерывно жала на кнопку. Треск разрядов, видимо, и держал пока на дистанции подбирающуюся к женщине крупную рысь, которая, впрочем, все равно была настроена нападать.

Виктор поднял ружье, но рысь повернулась и взглянула на него. Палец Воронина замер на спусковом крючке в необъяснимом промедлении. Несколько секунд человек и зверь смотрели друг на друга, а потом рысь метнулась прочь и скрылась в зарослях.

Виктор подбежал к женщине, которая продолжала держать шокер перед собой, а в глазах ее по-прежнему плескался нешуточный страх.

— Не бойтесь, я хочу вам помочь, — максимально доброжелательным тоном произнес Воронин. — Я не причиню вам зла.

Рука незнакомки с шокером задрожала.

– Кто вы?..

– Охотник. Наткнулся на место катастрофы вертолета, увидел ваш след, подумал, что, наверное, нужна помощь, и поспешил сюда. Хорошо, что успел.

– Слава богу! — едва слышно прошептала незнакомка и потеряла сознание.

* * * *

Когда Лариса пришла в себя, то обнаружила, что на сломанную ногу довольно аккуратно наложена импровизированная шина из толстой прямой ветки, рана на руке забинтована, и даже боль несколько отпустила.

Незнакомец поднес к ее губам пластиковую кружку с горячим чаем.

– Выпейте, вам это сейчас нужно.

Лариса с благодарностью приняла кружку, в три больших глотка выпила чай и, только ощутив, как по телу разливается блаженное тепло, поняла насколько замерзла: сентябрь в Красноярском крае выдался нежарким.

– Спасибо! Вы меня прямо дважды спасли! Даже нога меньше болит.

Он покачал головой:

– Не обольщайтесь: там все серьезно, перелом. Я вам просто обезболивающее вколол. И противостолбнячное.

— Круто! — восхитилась Лариса. — Вы что, врач?

— Нет, говорю же, охотник, — с легкой улыбкой ответил он. — Просто в свое время прошел курсы первой помощи и закупил кое-что: на охоте в тайге всякое бывает. Кстати, я Виктор.

— Лариса, — представилась Голубева, украдкой разглядывая своего спасителя. — Как мне повезло, что нашли меня именно вы!

— А что, были варианты?

— Были. — Она помрачнела. — Скажите, Виктор, у вас есть какой-нибудь транспорт?

— Нет. Я приехал на автобусе. Попросил водителя высадить на повороте трассы.

— А как же вы собираетесь возвращаться? — удивилась Голубева.

— Хм... — он отвел глаза, — ну... я тут надолго.

Ларисе его колебания и уклончивость показались странными, но она предпочла не заострять на этом внимание. Пока.

— Вы зря ушли от вертолета, — заметил Виктор. — Авиакатастрофа — не мелочь. Выживших наверняка будут искать спасатели.

Теперь заколебалась уже Лариса: сколько можно сказать новому знакомому? Даже если ее страхи — не паранойя и чистильщики существуют, вряд ли Виктор из их числа: у него была куча возможностей убить ее или даже просто —

не спасать, в этом случае всю грязную работу сделала бы оголодавшая рысь, и комар носа не подточит. Но все равно он какой-то странный. Может, маньяк, который живет где-нибудь поблизости в уединенной сторожке? Ага, маньяк, который спасает упавших с неба девиц, чтобы зверски замучить в своем мрачном логове?

— Просто поверьте мне: туда лучше не возвращаться.

Виктор посмотрел на нее с удивлением, но комментировать не стал.

— Тогда так, — подумав, произнес он, — я тут из ветки с рогулькой соорудил вам что-то вроде костыля. Попробуем выйти к трассе. Я помогу, будете опираться на меня. Тут далеко, но что делать. Будем попутку ловить — вам в больницу надо.

— А вы позвонить не можете? Тем же спасателям.

— Увы. — Он с немного виноватой улыбкой развел руками. — Я когда в лес иду, телефон с собой не беру. Толку-то от него тут — все равно нет связи, на многие километры вокруг ни одной вышки.

Лариса ошеломленно замолчала, проглотив просящееся на язык возражение. По большому счету, ее спаситель был прав. Хотя все равно странно. Веселая у них парочка, право слово: одна, опасаясь, возможно, несуществующих чистильщиков, отказывается ждать спасателей у места катастрофы, другой поперся в тайгу без средств связи и транспорта для возвращения, типа крутой выживальщик! Экстре-

малы, блин!

Тут она поняла, что Виктор уже некоторое время смотрит на нее.

— Лариса, давайте попробуем встать. Надо идти.

* * * *

Двуногие. Двое. Один с гремящей железкой. Если бы он не промедлил, лежать бы Аше сейчас мертвой. В былые, более сытые времена ей хватило бы и меньшего, чтобы сбежать отсюда подальше и поискать более легкой добычи. Но голод... Голод! Сейчас он казался ей страшнее, чем все двуногие на свете. И потом, двуногий с гремящей железкой убил Маха. Не этот двуногий и давно уже, но... Аша представила, как раздирает его когтями, как впивается зубами в его плоть... Да, это будет хорошо: еда и месть! И рысь снова двинулась по следу двуногих.

* * * *

Поначалу получалось неловко, но постепенно они приновились. Виктор медленно шагал, приобнимая Ларису за талию, а ее правая рука лежала на его плече. Но женщина не висела на нем полностью: импровизированный костыль давал какую-никакую опору, и они медленно, но стабильно перемещались. Вот ведь, не зря приметы и направление запо-

минал! Пригодилось. К своему замыслу Виктор сможет вернуться и позже, а сейчас у него есть важное дело — помочь Ларисе добраться до цивилизации. Интересно, кстати, почему она не хочет возвращаться к месту крушения вертолета? Боится чего-то? Чего? Может, вертолет не просто так упал? Кто в нем летел? И кто такая его временная спутница?

Воронин с удивлением почувствовал, что заинтригован. Когда последний раз что-то вызывало в нем живой интерес? Виктор уже и не помнил. Лейтмотивом его жизни стала унылая и беспросветная рутина. А тут вдруг — на тебе, приключение на флажке. Это «на флажке» вызвало на его лице мрачную усмешку, и Лариса ее заметила.

— Что с вами случилось, Виктор?

— В смысле?

— Ну, у меня ощущение, что на вас что-то давит со страшной силой и почти уже раздавило. Поделитесь со мной, может, легче станет.

Воронин еще раз усмехнулся.

— Хотите поговорить об этом? Вы кто, Лариса, психолог? Пришла ее очередь усмехаться.

— Почти. Журналист. «Красноярский регион».

— Это же общеполитическое издание, нет? — удивился Виктор. — И какую политику вы искали посреди тайги? Только не говорите, что вы тут не по работе, не поверю.

— А вы ловко тему сменили! — Лариса улыбнулась. — Ладно, баш на баш: я вам свою историю, вы мне — свою.

— Договорились. Только вы прогадали на этом обмене — моя история сто пудов скучнее. Так что начнем с вас.

* * * *

— Ого! — воскликнул Воронин, когда его спутница закончила рассказ. — Неслабо! Думаете, за вами и впрямь охотятся?

— Честно, не знаю. Но губернаторские вертолеты просто так не падают. Особенно если губернатор такой, как наш... был. Я бы ничему не удивилась.

— М-да, весело, — задумчиво произнес Виктор. — Пожалуй, вы правы: к месту катастрофы лучше не соваться. В этом случае лучше перебдеть.

Какое-то время они шагали молча.

— Ну, чего затихли? Ваша очередь.

— Хм... — Воронин смутился. — Вы правда хотите это услышать? Это очень унылая повесть.

— Да ладно, не отмазывайтесь! Мы договорились, помните?

Виктор вздохнул:

— Ну ладно. Я...

Он вдруг осекся и замер, глядя куда-то за спину Ларисе.

— Что там? — испугалась она.

— Повернитесь, только медленно и не дергайтесь.

Она послушалась и, повернувшись, зажала рот ладонью,

чтобы не вскрикнуть.

— Это...

— Рысь, да. Она идет за нами.

— Но они же обычно...

— Так не делают, верно. Но эта старовата, охотиться ей стало тяжело. И зверски голодна. Такие могут позариться на человечину. С отчаяния. В чем-то я ее понимаю...

— В смысле?

— Давайте так. Я вам все расскажу, правда. Но потом. Потому что сейчас нам нельзя терять бдительности: рысь может напасть в любой момент. Лады?

Лариса кивнула.

— Только скажите: почему вы не пристрелили ее там, у камня? Ведь у вас была такая возможность.

— Чтоб я знал...

* * * *

Виктор почувствовал, что начинает уставать. Подпорка подпоркой, но в основном вес Ларисы ложился на него. Да и идти было непросто: под ногами проминающийся мох, кочки, бурелом, на прогалинах — еще и высокая трава. Плюс густой подлесок, который в основном они старались обходить, но где-то приходилось и продираться. Ружье приходилось держать в правой руке, причем так, чтобы в случае чего быстро им воспользоваться, хотя Виктор вовсе не был уве-

рен, что сумеет попасть в атакующую хищницу с одной руки. И не упускать из виду рысь. Она, впрочем, шла за ними, не особо и скрываясь. В зарослях, конечно, и, для того чтобы прицельно в нее выстрелить, Воронину пришлось бы перестать поддерживать Ларису. Но рысь, если что, успеет скрыться, к гадалке не ходи. Виктор даже сейчас не мог себе объяснить, почему не пристрелил тогда рысь. В этой одинокой стареющей охотнице-неудачнице было что-то сродни ему. Но это он сейчас так думал, по прошествии времени, а там, у камня? Что остановило его палец на спусковом крючке? Ответа не было.

Было прохладно, но Виктор обливался потом. Если пот затечет в глаза, будет совсем плохо. Воронин неловко вытер лоб запястьем вооруженной руки. Шагали они уже довольно долго, и им обоим не помешал бы привал. Конечно, не обязательно, что за Ларисой и впрямь кто-то охотится, но если так, любая задержка могла им выйти боком. Он скосил глаза на спутницу. Ей, похоже, было больно, но она прикусила губу и терпела, не жаловалась. Стало быть, ему-то и подавно нельзя проявлять слабость. Вот она, перемена в жизни, которой он ждал! Именно потеря смысла и цели подкосила его, выбила почву из-под ног. В каждодневной рутине нет того, за что можно цепляться, стимула продолжать барахтаться. А вот сейчас, несмотря на усталость и реальную опасность, ему есть за что бороться. Лариса. Он отвечает за нее. Лариса рассказала ему про Мересьева, о котором думала, оказав-

шись на грани жизни и смерти, и не сдалась, так неужели же сдастся он? Это просто стыдно, в конце концов! Виктор почувствовал себя слабаком и на несколько секунд ощутил волну презрения к себе. Презрения, а не жалости. Разнылся тут! Да, жизнь у него не сахар, но сдаваться, ставить на себе крест... Нет, только не теперь, после встречи с ней. Что бы там ни было в его прошлой жизни, «уйти в тайгу и умереть» с повестки дня снимается. Даже потом, когда Виктор доведет Ларису до шоссе и сдаст с рук на руки медикам, он больше никогда белого флага капитуляции не выбросит. И ей не скажет, что сделать собирался, — просто язык не повернется.

Очередные капли пота добежали до бровей, и Виктор почти успел стереть их, но до левого глаза капля таки добралась. Жжение в глазу заставило его зажмуриться, и тут Воронин почувствовал, как напряглась рука Ларисы, обнимающая его за плечи, а в следующий миг девушка приглушенно охнула. Виктор открыл правый глаз... и ошеломленно замер: из зарослей навстречу выступил мужчина лет сорока в камуфляже и берцах. Надежда, что это какой-нибудь случайный встречный или спасатель, прожила ровно до того мгновения, как взгляд зацепился за пистолет с глушителем в его руке. Вот и чистильщик...

— Руку... — едва слышно шепнул Воронин, и Лариса поняла — убрала руку с его плеч.

Мгновение — и он шагнул вперед, закрывая девушку собой и поднимая ружье. Но незнакомец был быстрее: негром-

кий хлопок — и жгучая боль пронзила правое плечо Воронина. Ружье выпало из враз ослабевших пальцев.

«Всё», — успел в отчаянии подумать Виктор, когда на прогалину метнулась серая тень.

* * * *

Третий двуногий... И то, что у него в руках, подозрительно напоминало гремющую железку. Необычную, но все же... Аша замерла. «Бежать! Бежать немедленно!» — требовал инстинкт, но хищница его уже не слушала. Слишком долго она шла за этими двуногими, чтобы сдаться сейчас и начинать искать какую-то другую добычу — у нее просто сил не хватит. Нет, она не уйдет. Сомнение было лишь одно — на кого броситься? Новый двуногий снял этот вопрос, выстрелив в того, что был с самкой. Значит, первые двое не опасны, а вот третий...

Последняя мысль оборвалась, когда Аша прыгнула на спину стрелявшему. Думать больше некогда — рвать, рвать!

* * * *

Второй раз выстрелить незнакомец не успел — его свалила с ног рысь. Прыгнула грамотно — со спины. Атакуй она спереди, киллер мог бы в борьбе выстрелить в упор. Но рысь знала, что делала. Двадцатикилограммовая масса атакующей

кошки вкупе с энергией прыжка сбила его с ног, и он рухнул ничком в мох. А в следующее мгновение клыки рыси впились в его шею, челюсти сжались в мертвой хватке. Вот теперь всё.

Виктор осторожно присел и, не обращая внимания на боль в раненом плече, подобрал ружье левой рукой. Коротко оглянулся на Ларису. Та, бледная как смерть, тяжело опиралась на ближайшую сосну. Повернувшись к хищнице и не сводя с нее глаз, Виктор попятился к Ларисе. Рысь подняла окровавленную морду и посмотрела на него. Воронин поднял ружье стволом вверх, демонстрируя мирные намерения и надеясь, что рысь это как-то поймет.

— Мы уходим, — зачем-то сказал он, чувствуя себя довольно глупо. — Это твоя добыча.

Но рысь, казалось, поняла и вернулась к трапезе.

* * * *

К счастью, приметы и направление Виктор запомнил хорошо. Да и компас выручил. И все же, когда они доковыляли до шоссе, перед глазами Воронина уже плыли цветные круги. Усталость была дикая. Лариса кое-как перевязала его рану, но крови он все равно успел потерять изрядно, да и плечо горело огнем. Воронин держался на морально-волевых и на том, что смотрел на свою спутницу. Бледная, вся в испарине и с лицом, представляющим собой маску боли, она, казалось,

готова была упасть. Значит, он должен держаться. Ради нее.

— Лариса... — тихо позвал Виктор и встретил ее туманящийся измученный взгляд. Постарался улыбнуться. — Все будет хорошо. Обещаю.

Последние его слова заглушил приближающийся шум мотора. Судя по звуку, ехал автобус.

* * * *

— Шеф, я все объясню! — пролепетала Энджи, вся сжавшись. Ощущение своей высшей правоты, по идее, должно было помогать ей, но на деле... Как-никак нарушила она не один строгий параграф правил. Да, ради благой цели, но все же, все же... — Купа только не наказывайте, это я на него надавила...

Шеф смотрел на нее задумчиво, но по лицу его невозможно было ничего прочесть.

— Шеф...

Он поднял руку, останавливая Энджи:

— Не надо ничего объяснять. Только скажи, ты правда думала, что я ничего не узнаю? — Смущенно опущенный взор Энджи был исчерпывающим ответом. Шеф хмыкнул и продолжал официальным тоном: — Ладно, давай по порядку. Во-первых, сотрудники департамента хранителей не имеют права лезть в дела департамента сплетения судеб и тем более — давать прямые указания его сотрудникам, таким

как упомянутый херувим второго ранга Купидон. Во-вторых, воздействия такого типа, связывающие воедино судьбы двух разных людей, производятся строго с санкции руководства департамента сплетения судеб. В-третьих, указанное воздействие привело к тому, что твой объект-подопечный, отправившись спасать незнакомую ему женщину, едва не погиб. В-четвертых, твое прямое вмешательство-воздействие на хищное животное привело к негативному эффекту высшего уровня — убийству человека.

Каждая фраза шефа, казалось, вешала на плечи Энджи по пудовой гире. Под конец речи она выглядела совершенно несчастной и все же попыталась возразить:

– Шеф, убитый рысью человек... — Но ее вновь остановила поднятая рука.

– Я еще не закончил. Обстоятельства были чрезвычайные, что следует принять во внимание. Хранитель Гард, курировавший эту женщину, выбыл из строя на неопределенный срок в результате вмешательства противоположной стороны, что дало нам право на симметричный ответ. На следующей встрече сторон я именно так и представлю смерть киллера. Далее. Аналитические выкладки департамента предсказаний однозначно указывают на то, что твой объект-подопечный шел в тайгу умирать. В результате же твоего... гм... столь авантюрного вмешательства такие мысли его покинули, а это однозначный плюс. Посоветовавшись с главой департамента сплетения судеб, я выяснил, что встреча этих

двух объектов не противоречит Высшему Промыслу, а стало быть, ваше с Купидоном вмешательство признано оправданным и благим. Ну а кроме того, вся история закончилась благополучно. Я проанализировал твои действия и пришел к выводу, что ты продемонстрировала стрессоустойчивость, способности к импровизации в экстремальных обстоятельствах, организаторские способности и талант кризисного менеджера. В общем, поздравляю с повышением: ты назначешься куратором российского сектора департамента храни-телей.

Энджи застыла. Новость была воистину ошеломляющая.

— Благодарю вас, шеф, — наконец подобрала слова Энджи. — Это большая честь для меня... А можно оставить в моем ведении Виктора Воронина?

Шеф покачал головой.

— Боюсь, с твоими новыми обязанностями у тебя на это не будет времени. Но не беспокойся: к нам тут молодое пополнение прибыло, найдется, кем тебя заменить. И потом, есть мнение, что с твоим подопечным теперь все будет хорошо. — И шеф залихватски подмигнул Энджи.

* * * *

— Алло?

— Привет, Виктор, это Лариса. Хотела сказать, что меня сегодня выписывают из больницы.

– О, это отличная новость! Очень рад за вас, Лариса!

– Предлагаю это отметить. Надеюсь, вы вечером свободны?

Жанна Бирюкова

Заявка выполнена

Темный прямоугольник вздорной деталью чернел на белом снегу. Совершенно не страдая в свои тринадцать лет отсутствием любопытства, Дима подошел поближе. Прямо у его ног на утоптанной дорожке сквера лежал мобильный телефон. Подняв, мальчик повертел его в руках. Откинул крышку. Наверное, гаджет был совсем новый — темно-коричневая кожа чехла без потертостей, на блестящем стильном корпусе ни царапины.

Дима посмотрел по сторонам в поисках возможного владельца, но, несмотря на раннее декабрьское утро, сквер маленького провинциального городка был пуст. В полосах света недавно установленных неоновых фонарей, изо всех сил пытавшихся заменить собой поздний рассвет, кружились редкие снежинки. Мягко желтели квадратами окон соседние пятиэтажки. Там люди собирались кто на работу, кто в школу.

Дима снова опустил взгляд на смартфон, уютно устроившийся в ладонях. Сколько раз он просил маму купить новый крутой телефон. Ведь все ребята их класса хвастались последними дорогими моделями. Ну как ей объяснить, что, когда у одноклассников начиналась общая онлайн-игра, которую не поддерживал его мобильник, Дима чувствовал се-

бя изгоем, никому не интересным простаком.

Но у мамы были свои аргументы. Она работала на обувной фабрике, и ее скромной зарплаты хватало лишь на самое насущное. Папу Дима никогда не видел и, уж тем более, не мог получить от него помощь. А на дальнейшие расспросы мама поджимала губы и начинала активно суетиться на кухне.

Именно сейчас недоступная мечта оказалась совсем близко, лежала перед ним на ладони. Нужно только положить ее в карман и бежать. Спасать беспомощную радость простого мальчишки, чтобы никто не заметил и не отобрал ее.

И прежде чем мысль о непременной блокировке успела окатить волной разочарования, палец уже скользил по холодной гладкой поверхности. Сбивая и без того робкое дыхание, телефон покладисто отозвался на касание разноцветной волной и включил главный экран. На синем фоне ничего особенного не обнаружилось, кроме нескольких значков и крупных цифр, показывающих время.

Время! Школа! А первым — физика!

Конечно, обледеневшие тротуары, лишённые внимания дворников, да еще когда тяжелый ранец за спиной, никак не способствуют быстрому перемещению. Даже если ты ученик седьмого класса и у тебя перед глазами прыгает сурово-каменное лицо физички Марии Сергеевны, бесстрастно роняющее самую противную фразу на свете: «Еще одно опоздание, Соколов, и тройки тебе за четверть не видать, как атом без микроскопа».

— А мне она, ой, как нужна! Прямо вот позарез!.. И мне надо успеть!.. Сейчас, сейчас, Мария Сергеевна... я успею... — Слова в белых облачках пара из открытого рта улетали в морозный воздух.

Едва не пропахав носом по школьным ступеням, Дима лишь чудом удержался на разъезжающихся ногах.

— Быстрее, ребятки, быстрее! Звонок уже был. — Уборщица, звякая ключами от раздевалок, подгоняла последних опоздавших.

Минута, чтобы раздеться, секунда — взлететь на третий этаж. Мгновение — осторожно приоткрыть дверь кабинета и... облегченно выдохнуть. Класс шумел предштормовым морем в ожидании учителя. Успокаивая сумасшедшее сердце, Дима прошмыгнул на свое место. Через одно лихорадочное копошение в рюкзаке и четыре торопливых вдоха вошла Мария Сергеевна.

— Ну, Сокол, и повезло же тебе! — воскликнул Пашка, когда Дима вкратце обрисовал события сегодняшнего утра приятелям.

Они втроем стояли у окна в коридоре. Пашка Иванов, шумный и добродушный, был соседом Димы по парте, Сережа Осипенко сидел позади них.

— Я из-за такого везения чуть не влип по-крупному. — Дима поежился, чувствуя отголоски адреналина в крови. — Хорошо хоть физичка задержалась и даже не спросила меня. Теперь наверняка тройку за четверть поставит.

Пашка, рассмеявшись, хлопнул его по плечу.

— Ты везунчик у нас сегодня!

— Ага, — вздохнул Дима, — мне еще по алгебре так повезло бы...

— Да ладно! — махнул рукой Иванов. — Федоровна не будет ругаться. Она добрая.

— Когда стоишь у доски, что-то не заметно, — вполголоса произнес Сергей.

— С чего ты вдруг, Димон, трясешься из-за оценок? Вот мне все равно, что говорят училки! — горячился Пашка. — Они только пугают двойкой за четверть. А сами никогда не ставят!

— Просто тогда...

«Тогда я попрошу у мамы разрешения завести щенка» готово было уже вырваться, но испугалось выглядеть глупо в чужих глазах и снова спряталось пушистым комочком на дне души.

— ...будет лучше, — слова наконец нашлись.

— Так что ты с ним будешь делать? — небрежно кивнул Сергей на вещицу в руках Димы.

— А что делают с телефоном? Имхо. Нашел — пользуйся! — Иванов, подпрыгнув, уселся на подоконник. — Выкинь эту симку, вставь свою и все! Будешь при полном параде.

— Разве так можно? — Дима посмотрел на одного, поживающего плечами, потом на другого, болтающего ногами.

— Конечно, можно! И, вообще, дай-ка сюда! — Увлекаю-

щаяся Пашкина натура не признавала долгих раздумий.

Три вихрастые макушки склонились над светящимся экраном, привлекающим внимание двумя новыми сообщениями и пропущенным звонком.

— Когда он звонил? Вроде и не слышно было, — пожал плечами Дима. Чувство, что толкнуло внутри, было не очень приятным.

— Наверное, на беззвучном стоит. Так... Посмотрим... Где же они? — приговаривая, Пашка быстро нажимал на все значки и возвращался обратно.

— Что ты делаешь? — Дима отобрал у него телефон. — Вот же сообщения!

— А я виноват, что тут все приложения подписаны не по-русски! Даже непонятно, что за язык. Символы какие-то...

— По картинке догадаться можно, — огрызнулся Дима.

— Мне кажется, хозяина мобильного уже ищут, — шепот Сережи был еле различим в бешеном кипении окружающей жизни.

— И что с того? — Пашка снова сунул носом в телефон. — Давай посмотри контакты. Кто звонил?

— Да подожди ты... Нашел. — Дима хотел пролистать записи, но номеров оказалось всего три, и все они были без подписи.

Мальчишки переглянулись.

— Знаете что? — В распахнутых глазах Сережи сверкали искорки довольной фантазии. — Мобильник ворованный.

Или кто-то сделал преступление, а телефон выбросил.

— Зачем выбрасывать телефон? — Пашка сморщил нос и фыркнул. — Достаточно выкинуть сим-карту. А если не хочешь пользоваться — продай...

Его слова заглушил звонок. Броуновское движение молекул детской беззаботности сменилось стремительными потоками, разлетевшимися по классам. Дима положил гаджет в карман брюк и вздохнул. Утреннее волнение растаяло, но вот и радости почему-то не ощущалось.

Как самый обыкновенный мальчишка с голубыми глазами и веснушками на носу, Дима знал сотни способов интереснее провести время, чем преодолевать препятствие в виде горы уроков, грозно стоящее перед свободой сегодняшнего дня. Алгебру, обделившую ученика Соколова Дмитрия возможностью решать уравнения на доске, самостоятельную работу по английскому, где в ответ на его тихую попытку номер пять, недотрога-отличница Катька Клименко вдруг подсказала, волейбол на физкультуре с отчаянными просьбами самого себя ничего не испортить, закончившийся победой команды мальчиков над командой девочек.

Несмотря на все эти сиюминутные заботы, мысли снова и снова возвращаются к тайному сокровищу, что страстно просится в руки. Заставляет искать на перемене одинокий уголок подальше от остальных. Любоваться серебристыми переливами на корпусе. Проглядывать немногочисленные приложения настроек с чудными значками и вчитывать-

ся в приходящие после каждого урока одинаковые загадочные сообщения «Ваша заявка выполнена».

Даже возвращаясь домой после занятий, Дима не мог себя заставить положить телефон в рюкзак. Металлическая тяжесть давила на ладонь приятным грузом, в отличие от лежащего на плечах грядущего разговора с мамой.

— Да уж! Только хотел попросить щенка, а придется... — Дима поднял голову. Может, жаловаться вслух не стоило?

Но никто не обращал внимания на мальчишку с рюкзаком и телефоном в руке. Город жил предновогодней суетой. Витрины подмигивали разноцветными огоньками, зазывая покупателей в увешанные мишурой магазины. Вся опутанная гирляндами лампочек на центральной площади начинала зеленая красавица-елка. А стоило вечерним сумеркам растечься по городским улицам, как в окнах домов яркими пятнышками расцветало новогоднее настроение. Эта красочность последних декабрьских деньков казалась Диме особенной. Ведь ожидание праздника точно не хуже самого праздника. А предвкушение радости лишь дополняет радость.

Чуть не подпрыгнув, мальчик уставился на мобильник. Тот вибрировал, призывая взгляд человека к новому сообщению. Послушное касанию, на экране привычно высветилось «Ваша заявка выполнена».

Дима нахмурился. Разбуженные настойчивым неопределенным номером, растрепанные ощущения снова выпустили

внутри свои колючки. И сразу спрятали, испуганные отрывистым звонким тьяканьем.

Щенок был толстеньким и дрожащим. Приподнимая то одну белую лапу, то другую черную, он прижимался черным лохматым боком к крыльцу магазина, изредка поскуливая в сторону торопящихся прохожих.

— Какой ты хороший! — Щенок взвизгнул, принимая ласку от руки, смахнувшей с мягкой шерстки тающие снежинки. — Извини, мне пора идти.

Не обернуться оказалось непосильной задачей. Щенок, смешно переваливаясь с боку на бок, семенил сзади. И по тротуару, вздрагивая от проносящихся мимо машин, и в тихом переулке, что вился между высоких заборов частных домов.

В одном из них со скрипом распахнулась калитка и вышедший мужчина с ведрами в руках стал набирать воду из уличной колонки. Вслед за ним со двора вылетел большой рыжий пес. Он замер, словно оценивая противника, но в следующее мгновение рыжая молния уже неслась к мальчику. Краткого промедления хватило Диме, чтобы, подхватив щенка, успеть прижать его к груди.

И вот тут, накрывая лавиной отчаяния, обрушился страх. Не столько и не только за себя. За черно-белый комочек, скулющий на руках. Ведь каждый нерв истошно вопил спастись бегством. А разум человека знал, бесполезное бегство — не спасение.

– Рекс! Нельзя! Фу! Ко мне, Рекс! — с трудом, пинками хозяину удалось отогнать пса от застывшего Димы.

– Обычно я его на цепи держу... Вишь как... Вырвался и ошалел. — Хмурое бурчание, видимо, служило извинением.

Его смысл еле доходил до Димы. Как и то, что щенок, попискивая, тыкался влажным носом в лицо, а на улице снова воцарилась безмятежность. Ее, обманчивую, Дима, унимая сердце, бьющее в набат, поспешил сменить на уютный оберегающий покой родного дома.

Мама придет поздно вечером. Поесть самому, накормить щенка, которого так и не нашел сил вместе с мобильником выпустить из рук, можно успеть. И посидеть на полу рядышком, теребя пушистые ушки.

– А вдруг она не будет ругаться? — Дима тихонько рассмехался, наблюдая. — Да-а. За такое не похвалит точно.

Суетливо подлизывая остатки супа, щенок наступил на край миски и перевернул ее.

– Мама любит воспитанных собак. Сама мне так сказала. — Принесенная тряпка из средства уборки превратилась в игрушку маленьких зубок. — И еще она говорила, что я обязательно должен поделиться, если будет трудно. Тогда мы вместе сможем с любой проблемой разобраться... Значит, придется рассказать и про тебя, и про телефон...

Вздых вырвался против воли. Опять эти колючие чувства, чтоб их, щиплются внутри.

– А как сказать про подарок? Я ведь не получил четвер-

ки по физике и алгебре. И по английскому тоже. А ты у меня уже есть... О! Придумал. Я назову тебя Дар. Нет! Лучше Дарик.

Недовольный тем, что его оторвали от возни со вкусно пахнущей тряпкой, щенок глухо заворчал, стиснутый в человеческих объятиях.

— И мне даже не нужен телефон. Лишь бы мама тебя разрешила оставить...

В тишине раскатистое гудение лежащего на полу рядом гаджета показалось оглушающим, заставив вздрогнуть. Цифры безымянного номера пугали неопределенностью и подсказывали, что другого способа избавиться от колючек внутри не будет. Решение согласиться прошло, когда палец уже касался зеленой трубочки.

— Привет. Ты чего не отвечаешь? Я хотел...

— Извините, пожалуйста. Так получилось... Понимаете? Случайно. — Дима не хотел, чтобы слова дрожали и путались, но вот так получалось.

— Оу... — Низкий мужской голос замялся. — Понимаю. А ты кто?

— Дима. Я правда нашел этот телефон. В сквере... И хочу отдать его владельцу.

— Ладно-ладно, не переживай. Знаю я владельца. — К говорящему вернулась первоначальная уверенность. — Передам ему про тебя. Давай так... Сможешь завтра прийти на то самое место, где нашел телефон?

– Да. Только после уроков.

– Это во сколько?

– В два часа.

– Окей. Договорились.

– Подождите! Я же не знаю хозяина телефона.

Собеседник хрипло рассмеялся.

– Поверь, малыш. Вы точно встретитесь.

В доме снова стало спокойно. Только часы на стене продолжали мирно тикать, отмеряя время, да щенок грыз ботинок своего устало выдохнувшего друга. Колючки внутри перестали шевелиться.

* * *

До рождения нового года оставалось восемь дней. Легкий морозец щипал пешеходов за нос и щеки, под ногами поскрипывал снежок. Деревья городского сквера спали, убаюканные колыбельной зимы. Вспугнутая быстрыми шагами мужчины в черной модной куртке галка слетела с ветки, обрушив каскад снежинок. Мужчина плюхнулся на скамейку и строго взглянул на соседа — блондина, одетого в теплое нежно-кремового цвета пальто.

– Как все прошло?

– И тебе здравствуй. Прошло замечательно. Очень милый мальчик. Представляешь, два раза извинился! Пожелал мне удачного дня.

Брюнет в черной куртке фыркнул.

— Удивительно!

— Вот ты смеешься, а мне было вчера совсем не до смеха.

— Блондин вздохнул. — Эта моя вечная рассеянность...

— Ой, только мне не рассказывай! Я тебя знаю, как... как... — брюнет прищелкнул языком, вспоминая, — как об-
щипанного.

Блондин покачал головой.

— Правильно говорить — как облупленного.

— Неважно! Ты понял... В общем, знаю тысячи лет. —
Хитро прищурившись, брюнет не сводил глаз с собеседника.
— Да ты телефон специально оставляешь где попало, чтобы
люди выполняли свои желания. Тем более в эти дни! И еще
не было случая, чтобы он к тебе не вернулся!

Улыбка мужчины в светлом пальто сияла добротой и лас-
кой. словно яркий солнечный лучик, что вдруг пробился
сквозь низкие серые тучи, обещая завтра счастье звонкого
морозного дня.

— Просто люди верят, что их желания исполнятся. А я им
чуть-чуть помогаю.

— Ты безнадежен, — ворчливо отозвался брюнет и зябко
передернул плечами. — Может, пойдем, а? У меня уже кры-
лья замерзли.

— О чем ты? Ни твои, ни мои крылья не способны замерз-
нуть.

— Нет, мои способны! — вскакивая, упрямо повторил

тот. — Пойдем! Я знаю отличное местечко, где ты сможешь опять потерять свой телефон.

– Ну раз ты так уверен... Пойдем.

Над городом в изящных ажурных платьицах снежинки все так же кружили свой новогодний вальс. Над улицами, над сквером, над маленьким двориком позади дома, где вокруг снеговика гонялись друг за другом мальчик и черно-белый щенок.

Семья и время

Алла Гугель

Сон Александра Ивановича

Александр Иванович Куприн лежал на старом, облезшей кожи диване и что-то вяло чертил карандашом на страницах меню. «Водочка откупорена, плещется в графине. Не позвать ли Куприна по этой причине?» Красные раздутые пальцы сильно пьющего человека выводили этот глупый стишок, словно издеваясь над своим хозяином. «Вот и все, вот он я», — тяжело перекатывалось в голове опухшего гения.

Надо встать и дойти до комнаты. Десять шагов. «Раз, два» — считал про себя Александр Иванович, продолжая лежать. Жена Мария сняла писателю жалкие апартаменты прямо в трактире, чтобы тот закончил свой «Поединок». Но текст не шел. Вместо слов Александра Ивановича посещали гости. Их поток не прекращался, мелькая перед глазами, как горячие вспышки опасного костра.

Помнится, прошлого дня угощал весь трактир дешевым вином и хотел зачитать главу новой повести. Но язык — враг, цеплялся за нёбо, не пуская слова. Чтения стали бы позором, не приди на помощь милая продажная девушка Таня. Наце-

пив пенсне спящего учителя, она звонко прочла изрядный кусок середины под аплодисменты и смех питейного заведения. Александр Иванович смахнул слезу. Эх не зря Мария Карловна оградила его от всех забот. Даже ужины приказывала ставить у двери, лишь бы Сашенька работал. Но сейчас плохо, дочь к нему не пускают. Дверь запирают, соглашаясь открыть, только по предъявлении листков с новыми главами, которые он просовывал в щель.

Рассвет тихо заглядывал в окно, пытаясь не сильно беспокоить тревожного незнакомца. Куприн заснул. И увидел сон.

Где тоненькая черноволосая девушка с короткой стрижкой в серой водолазке и грубых синих мужских брюках медленно ходила вдоль большого книжного шкафа, разглядывая старые пыльные корочки книг. Обстановка в комнате была ни на что не похожа. Вроде и спальня, и гостиная, и сразу же кабинет. На узкой чисто прибранной кровати сидела пожилая женщина в легком цветастом платке, байковом халате и вязаной кофте. В руках она держала странный предмет с кнопками, которые поминутно нажимала и прикладывала к уху, что-то говоря в него. Рядом на низком столике, покрытом тканой салфеткой, стоял большой квадратный аппарат, который светился изнутри, а по его поверхности, как по водной глади, скользили картинки.

Девушка решительно отодвинула стеклянную дверь и достала одну из девяти сиреневых книг. В матовом переплете, с чуть потрепанным, разошедшимся нитками грифом. На об-

ложке золотыми буквами, как будто от руки, было выведено: «А. И. Куприн».

Она бережно подхватила книгу, словно боялась уронить хрупкого зверя, раскрыла на последней странице и начала водить пальцем по оглавлению. Затем улыбнулась и, весело потряхнув головой, крикнула в открытую дверь: «Нашла! Идите сюда!»

Через минуту в комнату вбежали, влетели, врзались, заполонив все пространство звонким счастливым щебетом, три смешные девчушки — девяти, пяти и трех лет. Прыгнув с разбегу на кровать, они приготовились слушать. Пока бабушка сажала на колени среднюю, мелкая прильнула к худенькой молодой маме, старшая села по-взрослому на старое кресло и, гордо забрав у матери книгу, прочитала: «Белый пудель».

Тут средняя, как и полагается всем средним, самая кудрявая, вертлявая, с яркими изумрудными глазами, быстро вскочила на ноги, подбежала к светящейся коробке, что-то нажала, так, что картинка исчезла. И довольная вернулась назад.

Комната засветилась по-новому, словно включилась еще одна кнопка, повелевающая счастьем и уютом в доме. За окном после короткой бури чуть слышно докапывал дождь. Старшая читала, а остальные, как и миллиарды многих других семейств, которым повезло любить и быть любимыми,

пусть ненадолго, на этот тихий и радостный час, слушали и представляли далекую и прекрасную, прошлую жизнь. Веря, что так и было, или до сих пор где-то есть, спрятанное в сиреневой обложке волшебной книги.

Александр Иванович почувствовал, как даже во сне у него заболело сердце. Захотелось остаться. Там, в горячем кругу трепетных женщин, в тепле этой странной квартиры. С чужими, но такими родными людьми, которые — как это возможно?! — любят его сквозь время, в таком неясном пугающем завтра.

Он проснулся с мокрым лицом, пошевелил затекшей рукой. Смял глупую надпись в глупом меню. Взял наточенный карандаш и медленно направился в свою комнату дописывать «Поединок».

Евгений Макухин

Пузыри и синонимы

Игорь Евгеньевич прокрастинировал. Он делал это мастерски и неустанно продолжал повышать квалификацию. С комфортом развалившись в кресле, он пускал колечки дыма, время от времени прикладываясь к бокалу.

Сегодня был день синонимов. Игорь искренне считал себя вольным писателем, поскольку на жизнь он зарабатывал профессией кладовщика. Писательство же было его отдушиной в тесном мирке складских закоулков. Он тщательно собирал материал, записывал остроумные фразы и интересные случаи в надежде, что когда-нибудь это все сложится в немыслимый литературный пазл, и его книга прогремит. Правда пока он ничего не написал. Прочитав немыслимое количество мемуаров, тематической литературы в стиле «как написать бестселлер. Опыт мастеров» и поучаствовав в нескольких семинарах, мастер-классах и тренингах, — Игорь Евгеньевич «копил себя». Свою самобытность, фантазию и словарный запас. Потягивая пиво на балконе своей «однушки», он отдыхал после трудового дня и старательно подыскивал синонимы для слова «отпуск», иногда подглядывая в интернете.

Внезапно мимо него проплыла стайка мыльных пузырей. Они радужно переливались в лучах заходящего солнца, и го-

рячий воздух от парящего асфальта поднимал их выше и выше, пока они не лопались, разлетаясь мелкими брызгами.

Какая прелесть. Ему даже стало немного интересно, кто это в наше время забавляется таким незамысловатым способом? Радостный детский смех добавил интереса, и он заставил себя выбраться из такого удобного кресла и выглянуть наружу. Вверху небо и радужные пузыри, внизу асфальт и лужи, прямо двор со скамейкой. Справа дорога, а слева, на соседнем балконе девчонка с донемогу счастливой мордашкой пускает мыльные пузыри и заливисто смеется. Увидев Игоря, она радостно помахала ему и выпустила очередную порцию пузырей.

Тут к малявке на балконе присоединились родители. Только сейчас он заметил, что у всех троих на голове была корона. Большая у папы, добродушный здоровяк с густыми рыжими усами, изящная диадема у мамы, чьи движения были плавными и полны достоинства. И маленькая еле видная корона-заколка удерживала челку на голове принцессы. Чьи волосы были такие же рыжие, как папины усы, и чья улыбка была такой же светлой как у мамы. Ему приветливо кивнули, и все трое покинули балкон. До него только донеслось радостное: «То-о-рт!»

«Похоже, день рождения празднуют, — подумал Игорь Евгеньевич. — Нарядились. Радуются. Аж завидно». Он посмотрел на свою уютную, как он думал до этого, квартиру...

Спал он в эту ночь плохо. Кого-то звал, кого-то искал, а

собственная квартира вообще выглядела лабиринтом, из которого он не мог выбраться. Под утро ему приснилось, что его такое уютное и любимое кресло набросилось на него и начало поглощать, стремясь слиться с ним в одно целое.

Суббота выдалась нерадостной. Может, после пива, а может, после кошмаров — голова трещала. Сварив кофе, Игорь добавил в чашку молока и первым глотком запил аспирин. Дальше, кряхтя и шаркая, поплелся на балкон. Утренний кофе с сигаретой должны были привести мозги в порядок. В кресло не садился, после кошмара появилось к нему какое-то недоверие.

Опершись на перила, он задумчиво пускал дым, глядя в никуда. Почему-то из головы не выходила вчерашняя девочка. Что-то было не так. Причем это «не так» было «на поверхности», но мысль ускользала. И тут снова, мимо него пролетел мыльный пузырь. Вчерашняя принцесса была на своем боевом посту и старательно выдувала максимально большой пузырь. А на голове ее, как и вчера, красовалась маленькая корона.

В приподнятом настроении, да и голова уже прошла, ему вдруг захотелось просто выйти и прогуляться. Быстро разобравшись с водными процедурами, он оделся и вприпрыжку, как в детстве, сбежал по лестнице.

На улице было хорошо. Не холодно и не жарко. В самый раз. Лужи уже подсохли. А в сквере слышались радостные детские крики. Купив по пути мороженое, Игорь уселся на

свободную скамейку. Откусывая небольшие кусочки пломбира, он смотрел на играющую малышню и пытался вспомнить свои детские ощущения. Когда краски были ярче, а мороженое, между прочим, действительно было вкуснее!

— Привет. — Рядом плюхнулась Рита, шестилетнее чудо, живущее в соседней квартире.

— Привет. — Эта малявка всегда вызывала в нем чувство умиления. Иногда он ловил себя на мысли, что был бы совсем не против, чтобы у него росло такое непоседливое чудо. Да и Машка, Ритина мама, Игорю нравилась. Но. Но. Но...

Но увы, ранняя лысина и пивной животик не добавляли ему уверенности в общении с женским полом. Были мимолетные знакомства, но женщин домой он не водил принципиально. Хотя иногда чертовски хотелось, чтобы дома кто-то ждал, а по возвращении домой вот такое чудо бросалось на шею с радостным криком: «Папа пришел!»

— А я сегодня принцесса! — Ритка с гордостью водрузила на голову заколку в форме короны, похожую на ту, что была на голове девочки с соседнего балкона.

— Ух, красота какая! Как поживаете ваше Высочество? Как дела у королевы-матери? — Игорь встал и, сделав вид, что снял шляпу, — изобразил глубокий поклон. В ответ порозовевшая от удовольствия Ритка изобразила книксен.

— Мама там, — неопределенно махнул рукой «послушный» ребенок и, болтая ногами, попросил: — А расскажи сказку!

Игорь посмотрел на ее корону, и тут все стало понятно. Сказка сама родилась у него в голове и просилась «в мир».

— Ну слушай. Где-то неподалеку, может быть даже за ближайшим углом, есть страна. Она называется Страна тысячи королевств. И всех мальчиков и девочек этой страны называют принцами и принцессами. Ну а как иначе, ведь их родители работают королями и королевами...

Игорь минут тридцать рассказывал сказку. Мысли выстраивались стройными рядами, а словесные кружева выплетались без малейших усилий. Ритка сидела, облокотившись спиной на маму, и слушала как завороченная. Маша, которой стало интересно, что же так увлеченно рассказывает ее дочери сосед, тихонечко подсела к ним, и Ритка даже не обратила на это внимания. Игорь закончил сказку словами: «Но это совсем другая история, конец!» и шуточно поклонился. В горле было сухо. Никогда еще он не говорил так долго.

Аплодисменты оказались неожиданно громкими. Оказалось, что кроме Маши и Риты, сидящих напротив него, скамейку обступила малышня и даже родители. Игорь смутился, а Ритка, запрыгнув к нему на колени и обняв за шею, прошептала на ухо: — Ты самый лучший сказочник!

Домой шли втроем. Как настоящая семья. Ритка шла между ними, держась за руки. Веселились, шутили. Попрощавшись на лестничной площадке, Игорь, захлопнув дверь, как

был, в уличной обуви бросился к компьютеру. Пока не забыл, записать все, что он насочинял в парке.

Спустя два часа он удовлетворенно откинулся в кресле. Все красиво легло «на бумагу». А в голове уже рождалась новая история... Внезапный звонок в дверь, заставил его подскочить на месте. Отвык. Открыв дверь, он увидел на пороге Ритку в нарядном платье и с неизменной короной на голове.

— Милостивый государь. Позвольте мне от имени и по поручению... Ф-ф-фу. Айда пирог есть! Мы с мамой приглашаем! — Надолго серьезности Ритке не хватило. И она запрыгала перед ним как козленок.

Маша, подглядывавшая за всем этим действием в приоткрытую дверь, рассмеялась: — Ты нас потчевал сказочной историей, а мы теперь накормим тебя сказочным пирогом! Еще бабушкин рецепт!

Игорь для виду помялся и согласился.

Сказочные посиделки удались. Пирог был чудо как хорош. Ритка пела песенки, потом показывала фотографии и игрушки. После того чудо-чадо отправилось спать, они выпили с Машей по бокалу вина, и Игорь пожелал ей спокойной ночи.

Дома Игорь взял сигарету и прошел на балкон. При ребенке было неудобно курить, потому терпел. Глубоко затянувшись, он повернул голову влево, и дым встал поперек гор-

ла. Откашлявшись и вытерев слезы, он еще раз протер глаза. Вместо балкона с красивыми коваными перилами, увитыми вьюнком, с которого маленькая принцесса пускала мыльные пузыри, к стене прилепилась здоровенная металлопластиковая коробка под названием «французский балкон»...

Через месяц Игорь и Маша поженились. И мыльные пузыри теперь пускала Ритка, а на ее день рождения Игорь и Маша нарядились королем и королевой.

Юлия Тужикова

Загадай желание

Бывают такие дни, когда нутром чувствуешь, что вот-вот что-то произойдет. Вот-вот что-то ворвется в твою жизнь и перевернет ее с ног на голову. Ты десятки раз измеряешь шагами комнату; кровь с бешеной скоростью носится по сосудистым каналам, с каждым кругом заставляя сокращаться сердечную мышцу быстрее; что-то подталкивает тебя попеременно выглядывать в окно, отбивать чечетку настенным выключателем, отвинчивать кран и набирать в ладони, через край, обжигаяще холодной воды, всматриваться в «магические» сообщения, бегущие рекламной строкой. В такие дни невозможно усидеть на месте. Сегодняшний день был именно таким.

Я выскочил на улицу. Крупные хлопья снега мгновенно облепили лицо, забрались в рукава и за воротник куртки. Я остановился, поймал губами несколько белых мотыльков и, не раздумывая, зашагал сквозь пелену снежного тумана.

Мимо проплывали суетливые городские улицы, сказочно преобразившиеся в преддверии новогодних праздников. Прохожие шастали туда-сюда, толкали друг друга плечами, прижимая к груди разноцветные коробки и красочные пакеты. Всем не терпелось узнать, что принесет следующий год, все жили ожиданием чуда. Морозный воздух немного успо-

коил меня. Метель, кажется, тоже замешкалась и наконец прекратила хлестать мокрыми каплями по лицу.

Манимый какой-то неведомой силой, я оказался на железнодорожной станции. Та же сила внезапно потащила меня дальше и заставила вскочить в первую проходящую электричку.

В пустом вагоне я уселся на дощатое сиденье, расстегнул куртку, втянул ноздрями спертый густой воздух, прислонился разгоряченной щекой к холодному стеклу. Рассматривая причудливые морозные узоры, выдыхал теплый воздух на заледенелое окно и, мерно покачиваясь, уносился в неизвестную даль.

Я закрыл глаза, пытаюсь «выключить свет» в голове и хотя бы на миг заглушить мысли-вопросы. Но они, как непослушные дети, все врываются и врываются в мой разум, выскакивая из темноты: «Почему людям никто не освещает дорогу, ничто не указывает путь, как маяки кораблям?», «Почему мы бродим в темноте на ощупь, ступаем осторожно, опасаясь сделать неверный шаг?».

Где спасительный свет? Где чудеса и волшебство, о которых твердили в детстве, про которые читали в сказках? Куда укатился волшебный клубок? Где выловить щуку — исполнительницу желаний? Почему всегда все сам?..

Отцовские слова годовой давности барабанной дробью аккомпанировали мыслям в голове: «Двадцать шесть уже!», «Вот я в твои годы...», «Слушал бы родителей, может, че-

ловеком бы стал». Им вторили слова из любимой сказки: «Старший — умный был детина, средний сын — и так и сяк, младший... вовсе был дурак». А мысли комиксными картинками рисовали заплаканную маму в дверях. У ее головы висело облако со словами: «Останься, сынок». Рядом — картинка меня, с размаха хлопающего дверью и облако мыслей: «Да пошли вы на...»

— Прошу прощения. Свободно? — Приятный незнакомый голос заставил открыть глаза.

Передо мной возник статный мужчина лет шестидесяти в зеленоватом, наглухо застегнутом, плаще и серой фетровой шляпе на английский манер. В руках он держал элегантный кожаный портфель с золотистыми застёжками. Мужчина чем-то напоминал сыщика из старых черно-белых фильмов, которые теперь зачем-то искусственно раскрасили. Весь его наряд, да и он сам гармонично дополняли интерьер пригородной электрички.

— Эдуард Петрович. — Мужчина приветливо представился и потряс мою руку.

— Иван, — растерянно проговорил я.

Внезапный писк мобильного прервал знакомство. Я извинился, быстро просмотрел почту и, не увидев ничего важного, сунул телефон обратно в карман.

— Так и не научился пользоваться такими. — Мужчина махнул рукой в сторону моего кармана. — Куда путь держите?

Я пожал плечами. Не говорить же ему в самом деле, что еду туда, не знаю куда, чтобы найти то, не знаю что...

— Решил прокатиться, проветриться, посмотреть новые места.

— Понимаю, — одобрительно кивнул уже знакомый незнакомец. — Я бы мог составить вам компанию. Ведь праздничная суета приносит не только радость, а порой уныние, грусть. Каждый Новый год напоминает нам о том, что время быстротечно и прошлое не вернуть, что возможности, которые у нас были и которыми мы не воспользовались, — испарились. Эта грусть, словно мерзкое насекомое, забирается глубоко внутрь. Тем более, когда ты одинок.

Он замолчал, стиснул обветренные губы. Зрачки его глаз забегали из стороны в сторону, будто искали мысли и слова, которые внезапно исчезли, скрылись в неизвестном направлении.

— Когда моя жена покинула меня, — тихо и глухо произнес он, — я узнал, что такое одиночество, несмотря на множество людей вокруг. В общем, если в эти новогодние праздники вас никто не ждет... — вдруг бодро отчеканил мой случайно появившийся странный попутчик, — скоро моя остановка, я живу неподалеку... Приглашаю вас в гости.

Я хотел возразить. С чего он взял, что мне грустно и тем более, что я одинок? Но в голове неожиданно «включился фильм ужасов»: интеллигентный, располагающий к себе мужчина заманивает в свое логово одиноких молодых путе-

шественников, убивает самым жестоким образом и разделяет их тела — на органы или еще чего похуже...

Глаза Эдуарда Петровича сверкнули металлическим блеском. Казалось, он читал мои мысли:

— Не волнуйтесь! Нормальный я. Не маньяк, не людоед, не «еще чего похуже». Гуся с яблоками хотите отведать? Приглашайтесь.

От его слов повеяло уютом, ароматными специями, хрустящей гусиной корочкой, печеными яблоками и сочным розовым мясом. Заныло в животе. Я улыбнулся, сглотнул и... кивнул.

Дом находился в десяти минутах неспешной ходьбы от железнодорожной станции, и я, более ни о чем не задумываясь, перешагнул его порог.

Жилище оказалось необычным. Пока мой попутчик любезно накрывал на стол (от моей помощи он наотрез отказался), я с удивлением и восторгом рассматривал диковинные предметы интерьера. Казалось, я попал на склад киностудии, где под чутким заботливым присмотром хранился реквизит из фильмов молодости моих родителей.

Стены были увешаны то ли бархатными, то ли плюшевыми тонкими коврами с изображением плавающих в голубом озере лебедей и оленей, которые робко выглядывали из-за деревьев. Бесчисленные полки с пожелтевшими от времени журналами и книгами, подушки на односпальной кровати были бережно укрыты кружевной материей, несуразный

телевизор тарасился на меня выпуклым экраном. За моей спиной из настенных часов в нелепом деревянном корпусе выскочила кукушка и три раза прокричала ку-ку.

— Прошу к столу, — прервал осмотр «музейных экспонатов» Эдуард Петрович.

Я изрядно проголодался и, пренебрегая этикетом и хорошими манерами, стал поспешно, с жадностью поглощать предложенное угощение. Гусь оказался восхитительным: нежное розовое мясо таяло во рту, а кисло-сладкий ягодный соус придавал блюду ресторанной изысканности.

— В канун Нового года принято загадывать желания, — тихим голосом проговорил мужчина. — У вас имеются желания, Иван?

Мысли водили беспечные хороводы в голове, и я не планировал придавать их огласке, но из набитого рта само собой вырвалось:

— Хочу новую жизнь! Такую, где все возможности еще впереди. — Я помолчал и добавил тише: — Ну или сделать что-то, изменить мир. Наверно, хотите сказать: «Взрослый, а в сказки веришь...», — продолжил я и вызывающе посмотрел на моего собеседника.

— Отчего же, молодой человек, если сильно захотеть, то чудеса случаются. А позвольте поинтересоваться, чей мир изменить-то хотите?

— Да хотя бы свой, — еще на полтона ниже ответил я.

— Ну все, наелись — значит, пора, — воодушевленно про-

говорил Эдуард Петрович. — Идемте за мной, кое-что покажу. Но обещайте вести себя прилично и ничему не удивляться.

Я нехотя отодвинул тарелку, вытер салфеткой руки и рот и послушно проследовал за ним.

Мы шли по длинному коридору, а затем остановились у светло-зеленой, ничем не примечательной, деревянной двери.

— Готов начать новую жизнь? — с хитрым прищуром переспросил мой новый знакомый.

Я кивнул. Он открыл дверь, и мы вошли. Несмотря на мои прошлые опасения, за дверью не оказалось комнаты с расчлененкой. Там оказалось то, чего я вовсе не мог ожидать.

В первое мгновение я словно разучился дышать. Глаза выпучились и едва не выскочили из орбит. Волосы, казалось, ожили и зашевелились. За дверью была улица, а на улице... Весна! Птицы звонко чирикали на зеленых ветках, капель живо стекала по трубам с крыш и бодро барабанила по мостовой, ярко-желтое солнце слепило глаза.

Я потер глаза, ущипнул себя за щеку, повертел головой в разные стороны. Эдуард Петрович внимательно следил за моими действиями и улыбался.

«Расскажу — не поверят. Станный незнакомец, загадочный дом, волшебная дверь, зима-весна...»

Я вспомнил про телефон. «Нужно срочно сделать фото, так сказать, добыть вещественные доказательства». Поша-

рив по карманам, я обнаружил, что телефон исчез...

В это время перед нами задорно промаршировал строй мальчиков и девочек — с красными флагами, шарами, разноцветными бумажными цветами и белыми фанерными голубями. У каждого из них на шее алел треугольный галстук. На плакатах над их головами гордо высились призывные лозунги: «Мир! Труд! Май!», «Будь готов — всегда готов!».

— Нужно вернуться, — только и смог вымолвить я. — Вы понимаете?! Ваш дом и эта дверь — это же портал! Ну или как там... машина времени!

Эдуард Петрович хотел что-то сказать, но я уже стремглав помчался обратно. Без труда нашел дверь, дернул за ручку... Дверь не отреагировала.

Я дернул сильнее, еще сильнее, еще. Налетел с разбегу. Наконец таинственная дверь поддалась, но за ней меня поджидало то, что я опасался увидеть даже в самом страшном кошмарном сне.

Я увидел незнакомую пустую квартиру, с серыми обшарпанными стенами и крошечным одиноким окном.

Я начал ощупывать, колотить и биться о стены, как обезумевший душевнобольной искать заветную дверь.

— Понимаешь, Иван, — вдруг услышал я за спиной. — Ты загадал желание, ты хотел новую жизнь... Пойдем, я покажу. Ты не можешь представить, что тебя ждет...

— Я хочу домой, назад, — прокручивая случившееся в го-

лове и постепенно приходя в себя, проговорил я. К горлу подступил комок, глаза наполнились слезами. Я едва сдерживался, чтобы не разрыдаться от отчаяния.

— Понимаешь... тут такое дело, — медлил он. — В первый раз вернуться можно только через двадцать лет, — слова обрушились оглушающим ударом.

Не веря в происходящее, я сидел на холодном полу, сжимая мокрыми ладонями пульсирующие виски. Из меня периодически вырывались то протяжные жалобные стоны, то раздражающий гланды, истошный крик. Будто еще сегодня утром я плавал в теплой, безопасной утробе матери и недовольно толкался и дергался, стремясь выбраться наружу, увидеть, узнать, почувствовать другую жизнь, а теперь долгожданное освобождение случилось, и я оказался один в этой новой, незнакомой реальности.

Я орал и извивался, как тот младенец, отказываясь понимать происходящее.

«Мне нужно вернуться, пробраться назад в свою старую, знакомую, безопасную жизнь!» Хотел наброситься на злобного волшебника-проводника, хотел вцепиться в его морщинистую шею, обхватить ее своими крепкими руками и давить до тех пор, пока он не захрипит и не сдастся или не сжалится надо мной и откроет эту чертову дверь. Я хотел... Но сил хватило только на то, чтобы жалобно скулить:

— Нет... обратно... пожалуйста... не успел... ма-ма...

Перед тем как отключиться, услышал:

– Иван, соберись! У нас мало времени, мне нужно тебе о многом рассказать. Если не глупить и немного постараться, можно будет родиться в другой семье, ну или отца там поменять... Ты же на самом деле этого хотел?

* * *

Когда я очнулся, кости моего черепа трещали так, будто, пока я был в «отключке», мне сделали трепанацию и засунули внутрь заведенный будильник. И вот, когда время пришло, шестеренки щелкнули, спусковой механизм сработал, и теперь будильник звонил, грохотал и подпрыгивал в моей голове. Я сдавливал руками бешено пульсирующие виски и гудящую макушку головы, крепко зажмуривал веки, чтобы как можно дольше оставаться в неведении. Не хотел знать, где я и что со мной происходит.

Измученный звенящей и щелкающей болью, я вдруг заговорил вслух:

– Пожалуйста, пусть происходящее окажется сном, дурацким, безумным сном! Обещаю измениться, найти нормальную работу, обещаю выбросить сказки из головы! «Ну что там еще надо для нормальной жизни?..» Обещаю позвонить родителям... Обещаю поговорить с отцом...

Будильник в голове притих. Заиграла, но быстро прервалась какая-то незнакомая мелодия, и до боли знакомым голосом прозвучало: «Что имеем — не храним, потерявши —

плачем...»

* * *

Я открыл глаза и обнаружил — мои мольбы были кем-то услышаны: я лежал на знакомом продавленном диване в окружении незамысловатого интерьера моей съемной квартиры. Вдох облегчения, как протяжный крик чайки, расколол тишину.

За облегчением стали появляться раздражение, сожаление и гадкие мысли. Они будто толпились за дверью и, как только она приоткрылась, ввалились внутрь, давясь и толкаясь. Перекрикивая и перебивая друг друга, они зудели противным голосом: «А что, если...», «Да что тебя здесь держит?...», «Ты просто струсил...», «Упустил свой шанс...».

Чтобы заткнуть этот голос хотя бы на минуту, я нащупал в кармане телефон, набрал в списке контактов «мама», и через секунду услышал в трубке знакомое:

– Алло...

Запинаясь, проговорил:

– С наступающим, мам... Как дела? Прости, что не звонил.

Я крепко прижал мобильник к уху, будто боялся пропустить, потерять какое-то важное слово. Из трубки немного дрожащий, родной мамин голос, говорил:

– Все хорошо, сынок. Ты позвонил. Теперь точно все хо-

рошо. Приезжай, мы каждый день ждем, — и в ответ на мой молчаливый вопрос, немного помедлив: — Папа тоже ждет.

Я глубоко дышал, набирая полные легкие воздуха, словно в скором времени свободно дышать станет роскошью.

Громкий стук из-за входной двери бесцеремонно ворвался в комнату и прервал дыхание.

На пороге стоял изрядно промокший, взволнованный и, кажется, немного пьяный Эдуард Петрович.

— Я за тобой, — с ходу, без вступлений и любезностей, проговорил он. — Такого еще ни с кем не случалось, чтоб так рано выкидывало. Что-то в тебе есть, — странно прищурившись, сказал он. — Давай собирайся. Последняя попытка. Ты ж мечтал начать новую жизнь. Ну что, струсил?

Я хотел возразить, но, как загипнотизированный, слушал каждое его слово, а по окончании монолога сунул ноги в тапки, беспрекословно вышел вслед за ним на лестничную клетку и поплелся по ступеням вниз.

Мы пошли по длинному коридору и остановились у деревянной светло-зеленой, ничем не примечательной, двери.

— Ну, вторая попытка! Готов изменить мир и начать новую жизнь? — неумело присвистнул Эдуард Петрович.

Я стоял, не шевелясь. В голове разыгралась нешуточная битва. Голоса кричали наперебой: «Вперед»! — и тут же: «Смотри, не пожалей...»

«Пора делать выбор...»

Где-то вдали всплыл нечеткий силуэт заплаканной мамы,

за ней — сидящего в кресле отца.

Я мотнул головой.

— Не хочешь? Передумал? — как-то по-доброму проговорил мой проводник. — Ну молодец, парень. Как там говорят: лучше синица в руках, чем журавль в небе? Гляди, не пожалей. Хотя, сдаётся мне, ещё встретимся, — сказал он и растворился в синеватом облаке густого дыма.

* * *

Первые дни после нашей последней встречи я ходил по улице, ехал в автобусе, стоял в очереди и... постоянно оглядывался — искал или боялся встретить Эдуарда Петровича.

Прошел почти год. Моя жизнь отличалась от предыдущей только тем, что я стал видеться с родителями.

Я все так же откладывал защиту докторской на интереснейшую, как мне когда-то казалось, тему: «Нумизматика и криминалистика в СССР». Все так же работал кассиром на заправке. Так же искал с местными пацанами самодельным металлоискателем клады (если бы отец был в курсе, я бы стал виновником не только его седых висков, но и, вероятно, инфаркта миокарда).

Мне начало казаться, что встреча прошлой зимой была всего-навсего игрой моего уставшего разума, плодом воображения, воспаленного нескончаемым потоком ничего не значащих мыслей.

До Нового года оставалось несколько часов. Я сидел в родительской гостиной, меня согревал только что подаренный вязаный свитер — красный, с белым рогатым оленем. Мама складывала ярко-алые салфетки в виде рождественских цветков (все время забываю название: пуансия или пуансеттия...). Из кухни доносились отцовское «ой-хо-хо» и запах имбирных пряников. Братья с женами и ангелочками-племянниками должны были приехать с минуты на минуту.

Под связанным мамой свитером приятно щекотало, иногда выбиралось наружу, бегало по лицу, щипало уголки глаз, растягивало рот в придурковатой улыбке детское, давно забытое ощущение счастья. Мама посмотрела на меня и улыбнулась, будто мурашки моего счастья перепрыгивали на нее. Что-то менялось во мне и меняло мир вокруг.

От необычно протяжного звонка в дверь неприятно заныло в области сердца.

— Иван, это к тебе, — послышался из коридора командирский голос отца.

На пороге стоял курьер. Он держал в руках маленькую коробку в праздничной блестящей упаковке. Доставщик улыбнулся и протянул мне неожиданный подарок.

— Таинственная поклонница, — пошутил, видя мое недоумение, отец.

«Скорее, поклонник», — чуть не вырвалось у меня вслух. В коробке лежала открытка.

На ней красовалась зеленая елка, украшенная конфетами

и шарами. Вокруг елки улыбчивые дети, в красных галстуках, водили хоровод. На обороте открытки красным фломастером пылал текст: «Иван, скоро полночь, не забудь загадать желание».

Я почему-то не удивился, покрутил открытку в руках и сунул ее в карман. А когда мама, пробегая мимо с подносом, чмокнула меня в щеку, как бы невзначай, я загадал желание.

Куранты в телевизоре пробили полночь, шампанское в хрустальных бокалах и улыбки родных искрились ярче новогодних огней, мандариновый запах надоедливо щекотал нос... Я загадал: «Чтобы голубоглазая Иринка, новенькая продавщица из круглосуточного, согласилась пойти со мной на свидание».

Игорь Вереснев

Пространства Вени Красина

Тютина в этом году уродилась крупная и сладкая. Черная, белая, розовая — она сыпалась на землю тяжелыми влажными градинами, чавкала под подошвами, брызгала соком, разрисовывая тротуары липкими картинками. Взрослые ругались на эдакое изобилие, обходили развесистые кроны стороной — одно точное попадание, и нарядное платье или рубашка безнадежно испорчены. Зато для детворы и курортников, наехавших как обычно «на юга», урожай сладкой ягоды был праздником. Курортники называли ее странным словом «шелковица». В детстве название это казалось Вене бессмысленным, — какая связь между ягодным деревом и тонкой блестящей тканью? Пока не прочитал в учебнике о Марко Поло, его путешествии в Китай и о тутовом шелкопряде.

Учебники истории и географии Веня проглатывал от корки до корки, как только получал их в школьной библиотеке. Лишь так можно было выудить единственно интересное в этих предметах — путешествия и приключения, прикосновение к тайне, ветер странствий, ощущение необычного, неведомого, фантастического. Потом начнутся занятия в школе, учительница заставит зубрить даты, пересказывать скучные абзацы. И никто не вспомнит, что Марко Поло был не просто венецианским купцом, что он соединил два ми-

ра, прежде существовавших в параллельных, непересекающихся реальностях. Что путешествие его ничуть не меньшая фантастика, чем приключения Язона Динальта на Неукротимой планете из подшивки журнала «Вокруг света» в читальном зале районной библиотеки.

Историю и географию Веня Красин редко вытягивал на «четверку», а вот по алгебре и геометрии был «круглым отличником». Оттого все его числили прирожденным математиком — и учителя, и одноклассники, и мама. Мама даже разговоры заводила неоднократно: дескать, с такими способностями в институт надо поступать, на бухгалтера учиться. Она работала в городе, техничкой в правлении коксохимического завода, и должность главбуха казалась ей пределом мечтаний. На самом деле все было не совсем так. Математику Веня не то чтобы любил, но этот предмет был самым легким в школе. Не требуется ничего зубрить, в доказательствах теорем каждый шаг логичен, а задачи решать и вовсе проще простого: разложи на действия и подставляй данные в формулы.

В физике и химии тоже имелась логика, но пряталась она под шелухой терминов, вдобавок многочисленные опыты досаждали. Искать логику в биологии Веня не пытался, слишком глубоко закопана. Но хуже всего были языки и литература! Зачем заучивать наизусть рифмованные, а то и нет фразы, или непонятные иностранные слова? Уезжать за границу Веня не собирался. Вот переехать из райцентра в город он

бы не отказался. Он прощал городу и высоченные вечно дымящие трубы заводов, и неудобные, незащищенные перед ветрами и солнцем кварталы серых панельных домов на окраинах. Зато в городе есть настоящая набережная, бульвары и скверы с фонтанами, аэропорт, железнодорожный и морской вокзалы. А еще там есть торговый порт, куда приходят корабли со всего мира, принося с собой отголоски тайн и приключений. Одним словом, настоящий приморский город, — в каких-то двадцати километрах от их поселка! Чем он займется после переезда, Веня пока не знал, не определился с будущей профессией. Куда спешить, только седьмой класс окончил. Времени впереди — уйма!

Море имелось и ближе: от райцентра до верховья лимана всего восемь километров. С началом сезона туда съезжались курортники, снимали у местных хуторян углы и сараюшки, разбивали палаточные лагеря. Туда же, оседлав велосипеды, гоняла по воскресеньям — а на каникулах и ежедневно — поселковая ребятня. Веня купаться на лимане не любил. Во-первых, чересчур многолюдно. Во-вторых, море мелкое. В-третьих, отойдешь от берега метров на двадцать, вода едва по пояс, а под ногами вместо песка склизкая грязь. «Целебная» — наперебой твердят и местные, и курортники. Может и так, но очень уж противная. Красин предпочитал забираться туда, где отгороженный косой лиман заканчивался и начиналось настоящее море. Далеко? Пятнадцать километров не расстояние, когда у тебя хороший велосипед. Велосипед

у Вени был отличный: большая — «взрослая»! — «Украина» осталась от отца. Выехать, как все, в сторону лимана, но потом свернуть вправо, на разбитую, почти всегда пустынную шоссейку, обсаженную ничейной, не тронутой детворой и курортниками тютиной-шелковицей. Шоссейка вливалась в трассу, соединяющую город с соседней областью, и дальше следовало ехать между полями по накатанной грузовиками колее. По левую руку набирает молочную спелость кукуруза, по правую подсолнухи тянут вверх еще мелкие, завернутые в зеленое корзинки, а вдоль колеи среди травяных зарослей синеют цветки цикория, розовеет «душистый горошек», горделиво поднимаются стебли мальвы. Ненаблюдательный путник ни за что не догадается, что в двух шагах от этого степного царства — море. Наблюдательный задерет голову и увидит кружащих в небе чаек. Но лишь тот, кто родился здесь, на рубеже двух стихий, ощутит сквозь аромат разнотравья и пропеченной солнцем пыли соленый запах моря и дальних странствий.

Мама работала в заводууправлении через день, уезжала в город первым автобусом в шесть утра, возвращалась последним в девять вечера, так что Вения в дни ее смены был «вольной птицей». Главное, резину не тянуть. Соорудить бутерброд, набрать флягу воды, оседлать велосипед и — к морю, пока солнце не поднялось в зенит.

Поздравительную открытку в почтовом ящике старик на-

шел только сегодня. Судя по штемпелю, пришла она вовремя — позавчера, как раз в день рождения. Но ни позавчера, ни вчера он из квартиры не выходил. Безвылазно просидел в своей берлоге, не желая общаться с внешним миром. Общаться и не пришлось: никто не пришел поздравить с юбилеем, не позвонил. И когда старик опасливо проверил электронную почту, там тоже было пусто. Нечему удивляться и обижаться не на кого. Так уж получилось, что на старости лет остался один. А одинокого пердуна кто вспомнит? Но, оказалось, помнят, школьная канцелярия исправно работает. Где-то там стоит пометочка, что бывшему сотруднику семьдесят стукнуло. Поздравили по старинке, заполненной каллиграфическим почерком бумажной открыткой в конверте. Побоялись, что у деда компьютера нет? Правильно боятся, старенький «пентиум», ровесник тысячелетия, на ладан дышит. Посыплется — не отремонтируешь. А на новый денег нет.

Открытку старик перечитал раз пять, так что от шаблонных высокопарных фраз начало скулы сводить. Уж лучше бы вообще не поздравляли, чем так, «под копирку». Хотя чем лучше? Чем он такой особенный? Самый обычный пенсионер, один из тысяч. Из миллионов! Когда десять лет назад его провожали на пенсию, поздравления и напутствия шаблонными не были. Но и он тогда не собирался оставлять работу, благо на его место никто не претендовал, молодежь в школу не очень-то идет. А те, что приходят... Однако человек предполагает, а здоровье располагает. Инсульт свалил

с ног внезапно. Три недели стационара, потом долечивался и восстанавливался на больничном. Вернуть разборчивость речи получилось не сразу, со слабостью в ногах он так и не справился. Особенно правая. Стала непослушной колодой, словно вернулась давняя детская травма. В соседний супермаркет сходить проблема. Когда в доме лифт отключают, и вовсе оказываешься пленником своего «скворечника». А потом его пригласила директриса и деликатно объяснила, что здоровье следует поберечь, что школа, уроки — чрезмерная для старого больного человека нагрузка. Он не обиделся, директриса за учебный процесс переживает, должность обязывает. Он сдался, написал заявление. И почувствовал себя стариком.

...Боль пронзила висок неожиданно и резко.

До моря Веня добрался позже, чем рассчитывал, — никак не мог оторваться от тютюны, переходил от дерева к дереву, выискивая самое сладкое. В итоге, когда степь и подсолнуховые поля оборвались аквамариновой гладью, солнце успело подняться достаточно высоко и начало припекать. Не беда — в сумке лежит сложенная из газеты панамы. Обычно до нее дело доходило на пляже, но и заранее надеть ничто не мешает.

Веня спешил, расстегнул сумку, извлек аккуратно сложенную вдвое панаму, расправил, нацепил. Пошупал завернутый в газету бутерброд, тряхнул фляжку. Глотнуть воды?

— подумал. Сразу отказался от этой мысли. И так едва не четвертая часть ушла, чтобы пальцы отмыть от тютинового сока, — липкими руками за руль держаться противно и неудобно.

Полевая дорога закончилась вместе с полями, но знающий человек разглядит узкую, скрытую в траве тропинку, выющую вдоль обрыва. Обрыв тут отвесный, высота метров пятнадцать — не спустишься, хоть близкое море и полоска чистого, не тронутого ничьими следами песка так и манят к себе. Нужно потерпеть еще немного, до балки.

Велосипед Веня спрятал как всегда в кустах желтой акации. С тропинки не заметно, чтобы увидеть, тем более вытащить, изрядно постараться надо. Какой умник за здорово живешь в колючки полезет? Да и не ходит здесь, считай, никто. Он поправил висевшую через плечо сумку, перешнуровал кеды и пошел к устью балки.

В этом месте до песчаной полосы пляжа было вдвое ближе — это во-первых. Во-вторых, переплетающиеся корни деревьев образовывали нечто вроде лестницы, а недостающую ее часть восполняли выковырянные в грунте уступы. Кто их сделал и когда — неизвестно, Красину они служили верой и правдой не первый год. Придерживаясь за торчащие из земли корни, он принялся спускаться. Быстро, «на автопилоте», почти не глядя, куда ставит ногу.

Свесившуюся сверху молодую ветку акации Веня предусмотрительно отклонил в сторону, зажал между изгибами

корня — напороться на колючки не хватало! Уже миновал ее, когда корень шевельнулся под его весом. Ветка высвободилась, распрямилась упруго. Веня зажмурился... Нет, не царапнула. Подцепила бумажную панаму, сорвала с головы.

Панама висела, покачиваясь, перед самым носом, протяни руку и достанешь. Но впечатление это оказалось обманчивым, Вениной руке не хватало нескольких сантиметров длины. И значит, придется вскарабкаться обратно на обрыв, добраться до ветки и тряхнуть ее как следует. Либо плюнуть на панаму и продолжать спуск на пляж, где ни клочка тени нет. Второй вариант не годился по определению, первый Красин оставил на крайний случай. Не может такого быть, что он не дотянется. Покрепче ухватиться второй рукой за корни, подальше отклониться и...

Пальцы поймали край панамы в тот самый миг, когда подошва левого кеда потеряла опору. Проклятые физические законы дернули тело вниз и в сторону, придавая его движению нужный вектор. И движение это отнюдь не было равномерным и прямолинейным. Потому что правая нога не отправилась в свободный полет вслед за напарницей. Она угодила в капкан из корней. Лодыжка полыхнула огнем боли. Таким жгучим, что мир вокруг погас.

Когда мгновенная тьма отступила, старик понял, что сидит на диване. Хотя не на полу валяется, и то хорошо. Боль медленно уходила, возвращая способность думать. Не ин-

сульт, нет. Он «эксперт» в этих делах, пообщался с «коллегами», наслушался историй, пока лежал в отделении. Судя по всем признакам, умрет он не сегодня.

С пронзительной ясностью старик понял, какова окажется смерть. Он будет лежать в запертой квартире много дней, прежде чем его найдут. Скорее всего, соседи забьют тревогу, когда зловонье заполнит лестничную площадку. Вызовут полицию, вскрыют дверь... Воображение помогло представить, что они здесь увидят. И это не худший вариант. Инсульт может не убить сразу, для начала парализует, лишит голоса. Он будет долго, мучительно умирать от жажды, не в силах позвать на помощь.

Плечи невольно передернуло от представленной картины. Страшнее всего, что такой исход предопределен. Остается жить одним днем, стараясь не задумываться о будущем.

А, собственно, зачем? Отточенный многолетними тренировками мозг логика не мог не поставить этот вопрос. Зачем влачить жалкое существование, если в будущем не ожидается перемен к лучшему? Наоборот, с каждым годом, месяцем и днем он будет стареть, дряхлеть, слабеть — и физически, и умственно. Может, его уход огорчит кого-то из близких? Нет у него близких. Жив, нет — никто не заметит. Может, осталось незавершенным важное дело? Нет у него никаких дел в этом мире. По-настоящему важных и не было никогда. Значит, «не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня». Сегодня он еще достаточно соображает, что-

бы выбрать более достойный и безболезненный способ ухода. И есть силы осуществить задуманное.

Что-либо придумывать и организовывать не требовалось, все необходимое, как говорится, «под рукой»: квартира на последнем этаже четырнадцатизаэтажки. Единственно, надо преодолеть страх. А дальше — просто и быстро.

Старик вновь передернул плечами, прекрасно осознавая, что сделать задуманное будет вовсе не «просто». Может, сходить в супермаркет, купить водки? Отключить алкоголем проклятый инстинкт самосохранения... Или не водки? Остатка пенсии хватит на приличный коньяк — не так противно пить, а экономить смысла больше нет.

Он тяжело поднялся с дивана, доковылял до письменного стола. Наклонился, выдвинул нижний ящик, где хранил конверт с «заначкой».

Повезло, что внизу песок, иначе приземлился бы куда жестче. Веня вытер прилипшие к лицу песчинки, опасно посмотрел на ногу. Лодыжка багровела и опухала буквально на глазах. Перелом?! Боль не ушла, но из острой сделалась тупой, ноющей. Рядом с ней появилось место для ужаса от понимания случившегося и тоски — ведь минуту назад все было хорошо! Зачем, зачем он потянулся за этой дурацкой панамой?! Падая, он ее так и не выпустил. Теперь остатки ее торчали из песка скомканным бумажным комом.

Несколько минут Веня лежал в полной прострации. Но

время вспять не повернешь, нужно что-то делать. Вот только что? Даже если он сумеет вскарабкаться обратно на обрыв, ехать на велосипеде не сможет однозначно. Найти подходящий дырн, приспособить под костыль, доковылять до трасы? Там ведь недалеко, меньше двух километров.

Веня прошелся взглядом по переплетению корней и уступам в глинистом обрыве. Как был сидя, передвинулся к «ступенькам». Уперся рукой, второй — выше. Встать получилось легко. Он ухватился за нижний из корней, попробовал подтянуться и взвыл от боли, невольно опершись на покалеченную ногу. Поспешно соскользнул обратно на песок. Нечего и мечтать. Обезьяна или циркач сумели бы залезть здесь на одних руках. Но ему нужны четыре точки опоры.

Оставался единственный путь — по пляжу вдоль моря на четвереньках, так как никаких дырнов на узкой полоске песка нет. Вернее, два пути — влево и вправо. Какой выбрать? Справа в пяти километрах лежала рыбацкая деревушка. Слева, в верховье лимана, жилье было дальше, зато могут попасться палатки отдыхающих. А могут и не попасться. И если двигать туда, солнце будет светить прямо в глаза. Веня вздохнул, расправил как мог панаму, нацепил на голову, перевернулся на четвереньки и пополз направо.

Что такое пять километров? На велосипеде вообще не расстояние. И пешком не шибко великое, — за час дойдешь, если поторопишься. Вон тот, выступающий в море мысок обогнуть, и деревушка будет как на ладони. Однако,

когда ползешь на четвереньках, все выглядит по-другому. Пространство словно растянулось многократно, преодолеть небольшой его интервал оказывалось необыкновенно трудно. Или это время ускорилось? Очень уж быстро солнце поднимается по небосклону, жжет все жарче, яростнее.

Ползти по сухому песку Веня не стал и пробовать — ладони вязнут, а скоро тот и вовсе превратится в раскаленную сковороду. Идти всегда лучше там, где море его прессует и охлаждает — хоть на двух конечностях, хоть на четырех. Первые несколько метров он преодолел бодро и быстро. Но потом задел песок боковой ступней и понял, что торопиться нельзя. Это нелегко — ползти на четвереньках, когда можно опираться лишь на колено.

Он полз-полз-полз, а проклятый мыс если и приблизился, то самую малость. Красин попытался считать «шаги», прикинув, что каждый равен примерно тридцати сантиметрам, но сбился уже на второй сотне. Панама, несколько раз свалившись в воду, окончательно пришла в негодность. Колени горели огнем — влажный песок тер не хуже наждака. Плечи и руки уставали все сильнее, приходилось чаще и чаще останавливаться, отдыхать. Сумка давила на шею ремнем, то и дело сваливалась вниз, не желая держаться на спине. В ней не было ничего, кроме фляги и бутерброда, но казалось, что шутки ради кто-то подложил в нее пару кирпичей. В конце концов бутерброд Веня выбросил — все равно от одной мысли о еде мутило. Сумка полегчала. Но ненадолго.

Мысль, что он может не доползти, родилась в голове после того, как обнаружил, что воды во фляге больше нет. Сначала это показалось глупостью: он ведь не в пустыне и не на обитаемом острове. Но с каждым метром, с каждой минутой мысль делалась все менее глупой. Потому что от жары и усталости роились черные мушки перед глазами. Но хуже всего — не отпускающая ни на миг изнуряющая боль в ноге. Стоило задеть за песок или неудачно шевельнуть стопой — она обжигала с новой силой. Если от этой боли или от солнечного удара он потеряет сознание, то не очнется. Так и будет лежать выброшенной на берег дохлой рыбиной.

Веня поднял голову, оглянулся на проделанный путь. Казалось, прополз огромное расстояние, а устье разрезающей склон балки с импровизированной «лестницей» не так и далеко. Может, стоило ползти в другую сторону, к лиману? Или все же попытаться вскарабкаться?

Внезапно он увидел человека, стоявшего над обрывом. Фигура расплывалась перед глазами, разглядеть ее не получалось.

– Эй, помогите!

Вместо крика из сухого горла вырвался хрип, и Веня вскинул руку, взмахнул. Тут же, не удержавшись, плюхнулся лицом в воду. Когда, отплевавшись и откашлявшись, снова посмотрел на склон, там никого не было. Наверное, не было и в первый раз. Галлюцинация.

Захотелось лечь и заплакать. Но лежать и плакать — худ-

шее из решений. Он почти добрался до мыса, километр пути позади. Осталось четыре.

Веня сцепил зубы, поднялся на четвереньки и пополз дальше.

Учитель специально проложил маршрут так, чтобы дети увидели море неожиданно. Только что шли сквозь степное разнотравье, вытирая мокрые от пота лица и мечтая об одном — поскорее добраться хоть до какой-нибудь тени, — и вдруг аквамариновая гладь до горизонта.

— Море! — раздался дружный вопль, и забыв об усталости, детвора бросилась к краю обрыва, выстроилась вдоль него — полторы дюжины мальчишек и девчонок, весь школьный туристический кружок.

— Сергеич, а мы купаться пойдем? — Виталик из «7-А», известный по прозвищу Витас, озвучил всеобщий вопрос.

— Здесь не спустишься, — возразила его одноклассница Машка. — Высоко и круто.

— Спустишься, спустишься, — заверил их учитель. — Только чуть дальше.

Пять минут спустя они уже были на дне заросшей акацией и терновником балки. Восьмиклассник Антон, как обычно шедший в авангарде отряда, первым добрался до ее устья и первым же увидел импровизированную «лестницу».

— Понял, как спускаться! — объявил радостно. — Сначала сюда, потом...

– Нет-нет, — остановил его учитель. — По корням мы лезть не будем, а то обязательно кто-нибудь шею свернет. Мы же не обезьяны, а опытные туристы. Для чего нам снаряжение? Доставай веревки!

– Точно! — Антон звонко лякнул себя по лбу. Потребовал: — Чур я узлы вяжу!

Оглянувшись на арьергард учитель в ту самую минуту, когда Витас, отстав от отряда, полез в кусты желтой акации.

– Виталий, ты куда? — окликнул.

– Вы идите, я догоню. Мне надо!

Девчонки, поняв в чем дело, захихикали. Машка предложила ехидно:

– Ты далеко не прячься, а то занозишь себе что-нибудь. Возле тропинки дела делай, мы смотреть не будем.

Подружки засмеялись громче. Виталик насмешку проглотил молча, исчез в зеленых зарослях. Учитель повернулся, чтобы идти к месту спуска, проверять, как юные туристы справляются с заданием, когда из кустов донеслось:

– Пацаны, сюда! Тут чей-то велик лежит!

Призыв Витаса пропал втуне, — подумаешь, велосипед в кустах спрятали! Вязать узлы, готовить веревочный спуск куда интереснее. Лишь один человек захотел посмотреть. Чувствуя, как холодеют внутренности и слабеют ноги, учитель раздвинул усеянные колючками ветви.

Черная «Украина» лежала на подстилке из редких травинок и прошлогодней листвы. Старая, советская еще модель.

Хотя старым, брошенным велосипед не выглядел. Скаты надуты, эмаль блестит, ни пятнышка ржавчины.

— Интересно, кто его спрятал?

Вопрос Виталик задал риторический, и проще всего находку было бы списать на совпадение. Вот только учитель прекрасно знал, чей это велосипед. Он узнал его — по царапине на переднем крыле, намотанной на руль изоленте. А еще он знал, что этот велосипед не может существовать одновременно здесь и сейчас. Потому что «сейчас» он валяется где-то в сарае, превратившийся в ржавый металлолом, а то и вовсе пошел на переплавку. А «здесь» он лежит только в...

— Ну что, пусть хозяина дожидается? — поинтересовался Виталик. Ему надоело рассматривать находку. Хотелось поскорее присоединиться к товарищам.

— Пусть дожидается...

Юные туристы с задачей справлялись, помощь и подсказки не требовались. Учитель подошел к краю обрыва. С замиранием сердца посмотрел на желтую полосу песка. Что он боялся там увидеть? Пляж был пуст.

Конверт хранился под толстой кипой использованной писчей бумаги. Старик вынул ее, водрузил на стол. Однако вместо того, чтобы наклониться снова, придвинул стул, сел. Принялся перебирать исписанные, исчерканные схемами листы. Свое незаконченное «дело».

Пространство Минковского, геометрическая интерпрета-

ция пространства-времени специальной теории относительности, некогда было весьма популярно у любителей фантастики. Термины «мировая линия», «световой конус», «причинное прошлое» и «причинное будущее» завораживали. Формулы, связывающие расстояния и промежутки времени, разделяющие события, выглядели понятными и доступными любому, мало-мальски знакомому с высшей математикой. Оставшись не у дел, старик решил поиграть в эту игру. Например, предложить собственное объяснение «парадокса близнецов». Получится, не получится — не суть важно, главное процесс. Когда ты пенсионер-постинсультник, то выбор у тебя не богат: либо разминай мозги, либо жди в гости Альцгеймера.

Старик перевернул стопку, чтобы добраться до самых ранних своих расчетов. Начал он с гипотезы, что пространственных координат должно быть не три, а четыре, и увеличил размерность сигнатуры. Было интересно посмотреть на световой конус в этом случае. Вернее, на проекцию его в трехмерное пространство. Он долго возился с преобразованиями Лоренца, вырисовывал гиперболы, заново штудировал изрядно подзабытую со студенческой скамьи геометрию Лобачевского, но в конце концов охладел к этому подходу. В голову пришла другая идея: экспериментировать нужно не с количеством пространственных координат, а с единственной временной. Если задать ее комплексным числом, то результат обещал быть интересным. Квадрат интервала между

мировыми точками равен сумме квадратов разности координат, а значит, мнимая составляющая времени может вполне вещественно повлиять на него.

Он долго играл в эту игру, почти два года, — вон какую кипу бумаги извел. Получалось действительно интересно. В зависимости от величины мнимой компоненты интервалы между событиями уменьшались и увеличивались, становились отрицательными, прошлое и будущее как бы менялись местами. Оставалось придумать интерпретацию этих выкладок, понять, где и как математические формулы проявляются в реальном мире... А потом он наткнулся в сети Интернет на перевод книги с многообещающим названием «Путь к реальности или законы, управляющие Вселенной: Полный путеводитель». И узнал о твисторах, объединивших математический аппарат специальной теории относительности и квантовую механику.

Старик невольно поежился от воспоминания, какое потрясение, даже стыд испытал, поняв, как далеко отстал от современной математики. Мало того что не «построил дом», не «посадил дерево», не «вырастил сына», так он и в профессии, которой отдал жизнь, остался дилетантом. Представил, как после его смерти найдут эти «труды». Будут рассматривать рисунки и формулы, смеяться над свихнувшимся дедом. Наверное, лучше сжечь?

Он так бы и поступил, живи в доме с печью или камином. Или хотя бы имея дворик в три сотки, где можно развести

костер. Но в квартире, где даже кухонная плита не газовая, а электрическая, сжечь кипу бумаги формата А4 — задача не из простых. Да и не станет это никто читать. Выбросят на свалку или в макулатуру сдадут.

Старик медленно, натужно, словно потяжелела она многократно, поднял стопку бумаг. Вернул на прежнее место, снова «похоронив» конверт с деньгами.

На кухню он все же пошел — за табуретом. Вынес его на балкон, открыл окно. Кряхтя, придерживаясь за раму, вскарабкался.

Дом стоял на краю жилого массива, вид из окна ничто не загораживало. Кварталы старых пятиэтажек, утопающие в зелени садов пригороды, приморский парк, подъемные краны порта, и — море до самого горизонта. Гораздо ближе горизонта по морю шел большой корабль, контейнеровоз. Направлялся к воротам гавани. Старик вспомнил, как в детстве завидовал кораблям, повидавшим океаны и далекие таинственные берега. Мечтал ли сам стать моряком, ходить на них? Пожалуй, нет... А вот его выпускник Антон, староста туристического кружка, который старик вел несколько лет, ходит штурманом на таком корабле. Когда-то письмо присылал, благодарил, — штурману без математики никак. И Маше, окончившей архитектурный, она наверняка пригодилась. Инженеру-программисту Виталию — подавно. Сотни его бывших учеников разлетелись по всему свету...

Мысль была неожиданной и несвоевременной. Возможно,

оттого на глаза навернулись слезы. Или он слишком долго смотрит на блестящее под солнцем море?

Старик опустил взгляд. Вдруг показалось, что внизу не серый асфальт, а желтая полоса песка вдоль моря. Там, на границе песка и воды...

Звонок в дверь заставил вздрогнуть, качнуться вперед, теряя равновесие.

— Эй, парень, что с тобой?!

— Мальчик, тебе плохо?

В ушах шумело, поэтому крики Веня слышал не сразу. Повернулся, когда его схватили за плечи. Высокий мужчина с темными коротко стриженными волосами и серебром на висках встревоженно всматривался в его лицо.

— Воды... — попросил Веня.

Без лишних слов темноволосый отцепил висевшую на ремне флягу, отвинтил крышку, поднес к его губам. Пресная вода была такой сладкой!

За спиной мужчины зашелестел осыпающийся грунт. Там с обрыва свисала веревка и по ней умело и ловко спускалась крепко сбита женщина средних лет. Спустилась, подбежала.

— Что случилось? — спросила требовательно.

— Нога.

Они внимательно осмотрели лодыжку.

— Перелом? — предположила женщина.

— Не думаю. — Мужчина качнул головой. — Но определять не возьмусь, опухоль сильная. В травмпункт его по любому нужно.

— Неотложку сюда вызывать из города?

— Пока вызовем, пока приедут... Если поедут. — Мужчина помедлил, раздумывая. Принял решение: — По-другому сделаем. Мы с Витасом его сейчас поднимем наверх, а ты беги к трассе, тормозни попутку на город.

Он бережно поднял Веню на руки — сильный! — понес к обрыву. Спросил:

— Тебя звать-то как?

Пока Веня полз, где-то находились силы, но едва пришла помощь, они исчезли разом, будто батарейка села. Даже на такой простой вопрос ответить внятно было неважноту. Он прохрипел:

— Вх...иня...

— Что ж ты, Иван, в одиночку путешествовать отправился? — попенял мужчина. — Туризм — командный вид спорта. Плечо товарища рядом должно быть.

Женщина, уже ухватившаяся за веревку, оглянулась.

— Кажется, он сказал Веня, а не Ваня? Вениамин.

Подтвердить ее правоту Красин не смог. Неудержимо проваливался в липкое забытье.

В дверь звонили настойчиво, протяжно. Значит, не случайные визитеры, не «Свидетели Иеговы» и иже с ними, —

кто-то пришел именно к нему. Старик дождался, когда утихнет дрожь в судорожно вцепившихся в оконную раму руках, сполз с табурета. Надо же, собирался шагнуть туда, а чуть в самом деле не вывалился — перепугался до смерти.

Он пошаркал в коридор, открыл дверь, не спрашивая. Чего ему опасаться? Грабителей? Полноте!

На лестничной площадке стояли двое мужчин и женщина, на вид примерно одного возраста — за сорок. Звонивший в дверь — высокий, в праздничной белой рубашке и черных отутюженных брюках, держал большую коробку с тортом. Он открыл было рот, но спутница его, белокурая, в легком летнем платье с букетом роз в руках, опередила:

– Здравствуйте, Вениамин Сергеевич! Поздравляем с днем рождения!

Миг — и букет перекочевал в руки старику. Он растерялся.

– Спасибо... — пробормотал.

Женщина улыбнулась, на щеках ее заиграли ямочки. Спросила:

– Вы, наверное, нас не узнали? Столько лет прошло!

Этот вопрос, эта улыбка — словно налипшая на память шелуха отвалилась. Разумеется, они изменились за четверть века. Он узнал их не зрением, иным чувством, которое появляется, когда всю жизнь проработаешь с детьми.

– Маша? — спросил полуутвердительно. — Антон? Виталий?

Высокий, с заметной сединой на висках штурман дальнего плавания тоже улыбнулся, кивнул.

— Они самые. Вы уж извините, что мы с опозданием на два дня пришли.

Старик опомнился, суетливо распахнул дверь шире, посторонился:

— Да вы заходите, заходите! Только у меня... угостить...

— У нас все с собой! — Виталий приподнял два объемных пакета, тряхнул несильно, заставив звякнуть содержимым. Завязанные в хвост на затылке длинные волосы его очевидно призваны были компенсировать глубокие залысины. Одет инженер-программист был по-простецки: в джинсах и футболке. Хотя наверняка джинсы очень дорогие, а футболка — очень брендовая.

Готовить угощение его не допустили, усадили на диван в комнате, служившей и спальней, и кабинетом, а теперь вдобавок и гостиной. Маша утащила торт и Виталия с пакетами на кухню, Антон принялся двигать мебель, чтобы уместиться вчетвером за столом. Старик любовался им и не мог отделаться от мысли, что это ему снится. Достаточно закрыть глаза или просто моргнуть, и наваждение исчезнет.

Но нет, гости пришли вовсе не во сне. Виталий притащил с кухни найденную где-то скатерть, которой старик лет десять не пользовался, вторым заходом — тарелки и приборы, третьим — блюда с колбасно-сырной нарезкой, бутербродами с красной икрой, овощами. Потом Маша принесла разре-

занный на идеально-одинаковые «сектора» торт. Последним заходом Виталий доставил откупоренную бутылку коньяка и стопки. Постоял, почесал за ухом.

– Как бы еще одно посадочное место организовать...

Старик спохватился.

– На балконе табурет! Я сейчас...

Подняться с дивана ему не позволили. Виталий выскочил из комнаты, вернулся с табуретом, плюхнулся на него. Тут же взялся за бутылку — разливать.

Коньяк был вкусным, мягким, старик прежде такого не пробовал. Вряд ли его «заначки» хватило бы на подобный напиток. Когда они выпили по второй и закусили, Маша заговорила:

– Вениамин Сергеевич, а вы знаете, мы до сих пор в походы ходим. Вдоль побережья, по вашим тропам. На два-три дня, с палатками. Как Антон из рейса приходит, так и выбираемся.

Штурман махнул рукой, посетовал:

– Отвалились почти все за последние годы. У каждого своя жизнь, заботы. Только мы трое из всего кружка держимся.

Маша внимательно смотрела на него, словно ждала продолжения. Не дождалась, стрельнула взглядом в Виталия и, когда тот потупился, призналась:

– Вениамин Сергеевич, простите нас, пожалуйста. Мы о вашем юбилее случайно узнали. Позавчера, когда из похода

возвращались, мальчика на пляже нашли. Он с обрыва упал, ногу повредил. Людей рядом никого, и телефона у него при себе нет. Я не представляю — как это, без телефона? А звали мальчика Вениамин, редкое имя. Вот мы вас и вспомнили, решили проведать. Но вчера воскресенье было, школа закрыта, адрес ваш узнать негде. Поэтому мы сегодня пришли.

Она виновато развела руками. Старик смотрел на нее, на мужчин, и чем дальше, тем больше убеждался — это сон, так не бывает. В конце концов крепко зажмурился. Он и ущипнул бы себя, но постеснялся. Когда открыл глаза, гости смотрели на него встревоженно.

— А мальчик? Что с мальчиком стало? — спросил старик.

Антон пожал плечами:

— Подняли его наверх, Машка попутку до города поймала. Такой дядька бравый попался, офицер-отставник, согласился отвезти в травмпункт без всяких вопросов. На старой «волжанке» ездит, «двадцать первой», представляете? Но древность не древность, а прет, что твой внедорожник. Нам мальчишку и к трассе нести не пришлось, прямо по степи к самому обрыву подкатил.

Виталий шмыгнул носом, вставил и свое слово:

— Только мы впопыхах номер телефона у дядьки спросить забыли. Узнать, что с пацаном, как довез.

— Довез... — прошептал старик.

Лица учеников вдруг начали расплываться, слезы, не удержавшись в глазах, побежали по щекам.

– Вениамин Сергеевич, вам нехорошо? — В голосе Маши явственно звучала обеспокоенность.

Старик вытер рукой слезы, отрицательно качнул головой. Потянулся к стопке.

– Давайте, за вас, — предложил. — За вас всех.

Антон первым понял. Едва Виталий наполнил стопки, поднял тост.

– За всех ваших учеников, Вениамин Сергеевич!

Старик кивнул благодарно. Он ошибся, жизнь прожита не зря.

Все — не зря.

Желания и редкие чудеса

Майк Гелприн **Иногда, крайне редко**

Стас Белов, 18 лет, Некрасовка, Москва, без определенных занятий

Мира два. Один, тесный, серый и вонючий, называется квартирой. Второй, огромный и цветной, не называется никак, но я для себя окрестил его Залесьем. Возможно, оттого что моя резиденция разбита на лесной опушке. А может, и по другой причине, не знаю точно.

В квартире, кроме меня, живут карга, курва, малолетка и Толян.

Карга очень старая, слюнявая и сварливая. От нее смердит затхлостью и лекарствами. Курву и Толяна она ненавидит. Малолетку любит. Мною брезгует. Карга — моя бабка по курве. Так однажды сказал Толян.

Курва рыжая, толстая и неопрятная. От нее пахнет потом, перегаром, табаком. Зато она добрая. И всех любит, даже каргу и меня. Курву Толян зачастую зовет Машкой, иногда Муркой. Она наша с малолеткой мама и ишачит на заводе за деньги.

Малолетка красивая. Она пахнет утром, травой, дождем. Меня малолетка жалеет и называет Стасиком. Толяна она боится, потому что тот, когда курвы нет, распускает грабки. Малолетка ходит в школу и мечтает, как окончит, от нас сбежать. Она младше меня на год и родилась как раз, когда папаша загремел на пожизненное.

Толян весь в наколках. Они у него везде, лишь на жопе нету. Он нигде не работает, только матерится, бухает и распускает грабки. Он всех ненавидит, а меня в особенности за то, что все время молчу и обосцываю стульчак. Называет Гребаным аутистом, Придурком и хочет сбагрить в дурдом, но курва не позволяет.

В Залесье, кроме меня, живет колдунья. Я ее ни разу не видел, но знаю, что она есть. Колдунья злобная и хочет меня убить, но моя резиденция неприступна, и внутрь охранного периметра ей не проникнуть.

Еще в Залесье бывают пленники. До вчерашнего дня их побывало шестеро, один за другим. Каждый пленник бродил по миру и искал из него выход. Потом помирал. Выхода из Залесья нет. Есть водопады и лабиринты. Горные пики и пещерные города. Леса, джунгли и сельва. Диковинные цветы и сочные плоды. Ягоды и корни. Радуги и туманы. Драконы и ящеры. Саблезубые тигры и пещерные львы. Волчьи стаи и бизоны стада. Рыбы и птицы. Всё есть. Нет только выхода. Ни для кого, кроме колдуньи и меня.

Седьмого по счету пленника я увидел вчера на закате. За-

блудившегося в лесу тощего, белобрысого и очкастого маменькиного сынка в красной тужурке. Корзинку с грибами он давно бросил и метался теперь в нарождающихся вечерних сумерках между деревьями, охваченный паникой, как раньше его предшественники. Я дождался, когда стало совсем темно и выдохшийся очкарик, опустившись на пень, принялся реветь. Тогда я раскрыл перед ним входную дверь. Оттуда полыхнул свет, повеяло теплом, дымом костра и пряностями. Очкарик вскочил, секунду поколебался и бросился в проем. Я захлопнул дверь у него за спиной.

* * *

Артем Головин, 36 лет, Печатники, Москва, старший группы Лиса-4 поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», позывной Леший

Контрольный пункт разбили в шести километрах к юго-востоку от станции Черусти. Здесь обрывался единственный, стелющийся вдоль лесной опушки проселок, и начиналось бездорожье.

Я прикатил за полчаса до сбора в полной темноте. Напарники — грузный, наголо бритый Константин Петрович, позывной Старик, и грудастая, крепкая, мужиковатая Тамара, позывной Томка, выскочили из машины прежде, чем я заглушил двигатель. Минуту спустя мы разобрали снаряжение и потопали к месту сбора. Здесь в свете фар выдавшего виды

внедорожника уже сосредоточились два десятка спасателей. Еще полсотни были в пути, их ждали с минуты на минуту.

Я знал почти всех и знал, кто чего стоит. Знал, кто, не стыдясь напарников, плакал от счастья, приняв сообщение «Стоп! Найден. Жив». И кто ревел от горя, приняв «Стоп! Найдена. Погибла». От настоящего горя, не напускного, хотя погибшую девочку не знал и видел лишь ее последнюю прижизненную фотку.

Это были особые люди, странные люди, неприкаянные. Такие же, как я. Те, кто где бы ни находился и чем бы ни был занят, по звонку координатора бросал все, хватал снаряжение и мчался к месту сбора на поиски пропавших детей, подростков и стариков. Те, кто безостановочно гнал джип за МКАД, тормозя по пути лишь для того, чтобы подобрать напарников. Столь же безрассудных и, как правило, неприспособленных, неустроенных, разведенных, уволенных за прогулы неудачников и недотеп.

— Родненькие, найдите его, — заклинала мечущаяся от спасателя к спасателю бабка, расхристанная, заполошная, в ветхой штопаной кофте. — Не дайте старой наложить на себя руки! Выручите, спасите! Умоляю: отыщите его!

Пропавшего тринадцатилетнего тощего, белобрысого и очкастого пацана звали Игорем. За грибами он отправился из близлежащего села вчера утром. На пару с бабушкой, той самой, что сейчас молила найти внука еще не сформированные спасательные группы.

Вчера в одиннадцать утра Игорь перестал откликаться на зов. К двум пополудни обезумевшая от горя старуха отчаялась его искать и к четырем вернулась в село. В пять заявление о пропаже ребенка принял участковый. В шесть его принял дежурный оператор горячей линии отряда «Лиза Алерт». В восемь координаторы завершили предварительный сбор информации. Пять минут спустя сообщение высшей категории срочности приняли добровольцы. В восемь двадцать семь я прыгнул за руль. В девять пятьдесят подобрал Старика, в десять сорок четыре — Томку. Наш четвертый, Коля Васильев, позывной Василек, еще не оправился от травмы в сломанных месяц назад на поиске ребрах, поэтому в три тридцать утра мы прибыли к месту сбора неполной группой.

— Внимание, — заглушил старушечьи мольбы усиленный мегафоном голос координатора. — Кинологи запаздывают: поломка в пути. Начинаем без них. Разбиться на группы! Старшие групп подходят по одному. Лиса-1!

Здоровенный, нечесаный и небритый Армен Геворкян, позывной Ара, шагнул вперед. Три минуты спустя он получил ориентировку и карты местности с выделенным группе поисковым квадратом. Четверо спасателей отвалили в сторону. Ара отстранил рвущуюся целовать ему заросшую буйным волосом ладонь старуху, гаркнул «Пашлы!», и четверка рванулась вдоль опушки к означенному на карте крестом входу в лесной массив.

Через десять минут настала моя очередь.

— Лиса-4, старший Леший, — доложил я координатору.
— У меня неполная группа, Василек временно выбыл. Нуждаюсь в замене.

— Принято, — координатор коротко кивнул. — Возьмешь новичка.

— Принято.

Ситуация была штатной. Неполные группы укомплектовывались новичками, теми, кто выходил на поиск впервые и у кого постоянных напарников еще не было. Иногда новичка назначали в придачу и к полной четверке. Несмотря на неминуемое замедление и усложнение поиска, старшие никогда не отказывались: новобранцев необходимо было учить. Пройдет год-другой, и половина из них отвалится, но оставшиеся образуют новые группы. А значит, у пропавших, заблудших, исчезнувших шансы на спасение увеличатся.

— Настя, — представилась шагнувшая в свет фар из вязкой темноты утренних сумерек ладная, светловолосая девушка лет двадцати. — Позывной Сибирячка. К поиску готова.

— Все, все, официоз закончился. — Я улыбнулся Насте, махнул рукой и крикнул: — Пошли!

— Знакомимся на ходу, — облапила новенькую за плечи Томка. — Я Тамара. Дедка можешь называть Стариком, он отличный дедок, славный. Старшего мы зовем Лешим, в основном за портрет лица.

— На свой портрет взгляни, — недовольно буркнул я.
— Тоже мне амазонка.

Девушки приснули. Старик высказался в том смысле, что, будь он помоложе, на портреты бы не посмотрел, а вот прям женился бы на обеих, и я приказал прибавить ходу. До места, обозначенного на карте крестом, оставалось с полчаса быстрым шагом. Там нам всем станет не до шуток. На проческу квадрата пятьсот на пятьсот метров уйдет весь день. На тщательную проческу, с заглядом под каждый камень, каждую корягу и каждый куст. Это в том случае, если смс «Стоп! Найден...» не поступит раньше. И лишь одному богу известно, каким будет третье слово в нем: «Жив» или «Погиб». Если же отбой не придет, мы продолжим поиски завтра, уже в новом квадрате. И будем продолжать всю неделю — до тех пор, пока у парнишки все еще остаются теоретические шансы на жизнь. Бывало, пропавших находили живыми на шестой день поиска. Бывало, и на седьмой: обессиленных, потерявших сознание от боли, со сломанными ногами или руками, но все еще дышащих.

На восьмой день поиски на местности прекращались. Но не сам розыск. Потерявшиеся и не найденные в «Лизе Алерт» считались живыми. И иногда, крайне редко, случалось чудо.

Два года назад мне на сотовый позвонила мать так и не найденной потеряшки. Через час она, изможденная, истончавшая от горя, заходясь в истерике, кричала мне в лицо:

— Даша жива, я знаю! Ее видели. Трое свидетелей, в Псковской области, в глуши. Полиция отказалась. МЧС-ники отказались. Все отказались. Прошу вас! Я заплачу! Все отдам! Все, что есть!

Полторы недели спустя, в ноябре, Василек ногой вышиб входную дверь, и мы вчетвером ворвались в избу, ветхую, на отшибе обезлюдевшей деревни. Опухший от пьянства и дурри садист, что держал в погребе пропавшую в августе четырнадцатилетнюю девочку, вскинулся нам навстречу с ножом. И тогда грузный, наголо бритый бывший морпех, позывной Старик, не раздумывая, всадил ему в лоб пулю из наградного «макарки». Потом был суд, и условный срок, и мать спасенной, сующая в руки Старика перетянутую скотчем пухлую стопку стодолларовых купюр. И он сам, бросивший скупое: «Оставь при себе, девочка. «Лиза Алерт» мзды не берет...»

В пять пятнадцать утра поисковая группа Лиса-4 достигла точки входа в лесной массив. В шесть ноль две — восточной границы закрепленного за группой квадрата. Мы рассыпались в цепь и приступили к проческе.

* * *

Анастасия Юденич, 20 лет, общежитие МСГУ, Ярославское шоссе, Москва, студентка второго курса

Мы искали пропавшего в лесу мальчика семеро суток. Мы не нашли. Ни его самого, ни его тела. На второй день Лиса-6

обнаружила лукошко с успевшими зачервиветь сыроежками. На третий в шести километрах к западу Лиса-2 нашла очки с выбитым правым стеклом и треснувшим левым. На четвертый кинологическая группа обнаружила лесную поляну, на которой следы пропавшего обрывались. Поляна оказалась в нашем квадрате, и Лиса-4 вместе с кинологами осмотрела ее.

— На этом пне он сидел, — буркнул поджарый, коротко стриженный парень с овчаркой на поводке. — Пришел с юго-запада, беспорядочно кружил по поляне, потом, видимо, обессилел. Исходящих следов нет. Здесь он исчез. Будто под землю провалился.

— В прошлом году такое было, — задумчиво проговорил Леший. — Помните Аню из Западного Бирюлева? Тоже в лесу. В двух километрах от дома. И тоже будто сквозь землю.

— Не нашли? — на всякий случай спросила я, хотя ясно было и так.

— Не нашли. Но не теряем надежды на чудо.

Чудо... Для меня его не случилось. В позапрошлом июне мой младший брат Олег пропал в тайге, в десяти километрах южнее Ягодного. Вместе с ним пропали два одноклассника, всем было по одиннадцать лет.

— Клад Колчака искать пошли, — утирая слезы, сказала соседка тетя Клава, мать пропавшего вместе с Олегом Егорки. — Начитались глупостей в интернете.

Мы вышли на поиски всем поселком. Тайгу прочесывали трое суток, ночуя на привалах у походных костров. На чет-

вертый день Егорку с Ринатом, едва живых от переохлаждения и голода, нашли. Никогда не забуду, как старый таежный охотник по кличке Душегубец, бывший уголовник, отмотавший пятнадцатилетний срок за двойное убийство и оставшийся на поселение, выносил пацанов на руках. Разбойничье, хищное, рябое лицо Душегубца перекосилось то ли от злости, то ли от радости, не поймешь.

— Отвалите, падлы, — сипел он хлопочущим вокруг односельчанам. — Сам нахрен нашел, сам нахрен и дотащу. Отцепитесь, сказал!

Олега так и не нашли.

— Вечером было, — утирая сопли, наперебой рассказывали спасенные пацаны. — Страшно было, темно, дождь хлестал, потом кончился. Олега по нужде отошел. Вдруг как сверкнуло что-то! И завоняло чем-то, вроде как печеными яблоками. Или, может, брагой. И жар вдруг накатил и сразу исчез. Мы кричали, аукали, звали его. Не отозвался Олега. Ни разу.

— Жив он, — день спустя прошамкала старуха Акимовна, про которую люди поговаривали, что ведьма, и обходили стороной. — Пока жив еще. Его ирод поганый, бесовское отродье, в свою обитель затащил.

— Какой ирод, в какую обитель? — рывкнул отец. — Говори, ну!

— Ты ж, Ермолай, в бесов не веришь, — проскрипела Акимовна.

— Я теперь во что хошь поверю. Ну!

— Есть один, — поджала губы старуха. — Далеко где-то. Где, не вижу. Мож, в Синегорье сидит, мож, в Магадане, мож, во Владике. Не от мира сего. Господь его обделил, а лукавый приветил и поганым даром наградил. Он не один такой, есть и еще. Телом у нас живет, на белом свете. А душой поганой у себя. В урочище своем.

— В каком еще урочище? — заорал отец. — Ты что плетешь?!

— Что знаю, то и плету. Туда никому ходу нет, только такие, как я, сквозь стены видят. Он туда малолетних затаскивает. Завидует им потому как. Затащит кого и мытарит, пока тот не помрет. Страшно там, душа-то у ирода черная.

— И чего? — гаркнул отец. — Чего делать-то?

— Ничего тут не поделаешь. Ирода если только найти. Но где ты его найдешь. Выхода из черной обители нет. Стены глухие. Двери все заколочены. Внутри разная нечисть, дрянь всякая. Зверье, змеи болотные, ядовитые грибы, лихорадка.

Я пришла к Акимовне еще один раз. Через неделю после того, как от горя истаяла и умерла мама и ушел в страшный одинокий запой отец. За два дня до того, как улетела в Москву, потому что было все равно куда — лишь бы подальше.

— Все, Настасья, — прошамкала старуха. — Отмучился раб божий Олег Ермолаевич, царствие ему небесное. Сгубил его ирод. Как и других, что до него были.

Стас Белов, 18 лет, Некрасовка, Москва, без определенных занятий

Наутро ни с того, ни с сего сдохла карга.

— Отмучилась сволочь старая, — радовался Толян, когда два здоровенных лба уложили каргу на каталку и вытолкали за дверь. — Сопли подберите, дуры, — гаркнул он на жмущихся друг к дружке курву и малолетку. — Ей там лучше будет. А нам тут без нее. А ты, Гребаный аутист, чего лыбишься? Теперь как стульчак обосцышь, сам смывать будешь, урод. Или я тебя в твои сцаки мордой.

Вечером Толян с курвой упились вдрызг.

— Скорее бы, — жаловалась мне под доносившийся с кухни раскатистый храп малолетка. — Окончу школу и сбегу. Все равно куда. Все равно к кому, лишь бы отсюда прочь. Тебя только жалко, Стасик. Помрешь ведь. Пока бабушка была жива, заботилась, как могла. А теперь...

Я, как обычно, смолчал. Говорить я перестал пяти лет от роду, когда понял, что жить молчуном лучше. Заговорил всего раз — с доктором, к которому курва однажды меня привела. До сих пор себе этого не прощу. Доктор мне понравился: он казался заботливым, добрым и часа два подряд интересовался моими делами. Ему я, глупец, сказал о Залесье. В двух словах всего-то и сказал. А потом корчился полгода

на больничной койке от уколов, водных процедур и оплеух, которыми награждали меня санитары. Залесье пытались вытравить из меня, выколотить, смыть. Им не удалось. Залесье осталось.

С тех пор я не проронил ни слова. Книжки читал, одну за другой. В солдатиков играл. В паровозики. Из кубиков замки строил. Я и сейчас, бывает, читаю и играю сам с собой. Но редко, потому что все чаще ухожу из вонючей и тесной квартиры в Залесье. Там нет ни брани Толяна, ни визга курвы. Там я никого не боюсь и делаю, что хочу. Там я живу. Беззаботно и радостно — так, как маменькины сынки и доченьки, довольные, ухоженные, изнеженные и сытые живут здесь.

— Жалко бабушку-то? — размазывала сопли по щекам малолетка. — Хотя что это я — ты ведь не умеешь жалеть. Я иногда завидую.

Я, как всегда, не ответил. Жалеть я и вправду не умел. Даже пленников, хотя в Залесье они становились такими же забитыми, робкими, трясущимися от страха, корчащимися от боли, как и я, когда Толян меня лупцевал кулаками по лицу или охаживал ремнем за то, что я бессмысленная обуза.

На третий день каргу зарыли в землю. Пока курва с Толяном и малолеткой отирались на кладбище, я бездельничал в резиденции. С лентой наблюдал за придурками с собаками и без, толпящимися у запертого входа в тщетных поисках пропавшего очкарика. И так же лениво гонял того по зарослям и буреломам. Изнеженный, трусливый недотепа то обмирал

от ужаса при малейшей опасности, то сломя голову пускался от нее наутек.

Жить ему оставалось недели две, если не надоест мне раньше.

* * *

Артем Головин, 36 лет, Печатники, Москва, старший группы Лиса-4 поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», позывной Леший

Мы не нашли. Всякий раз, когда такое случалось, мне нестерпимо хотелось выпить. Так, чтобы не снился куст можжевельника, под которым лежал пропавший ребенок и под который я по халатности не заглянул. Так, чтобы не вспоминать об истории восьмилетней давности, после которой я, борзой ментовский опер, написал заявление об отставке.

Оперативная группа тогда сбилась с ног, разыскивая пропавшую с детской площадки среди бела дня пятилетнюю девочку. Мы вшестером шерстили район, опросили с полтысячи свидетелей и соседей, обшарили сотни хаз, малин, гаражей, чердаков и подвалов. Девочка как в воду канула, так же как уведший ее с собой мужик в плаще и надвинутой на глаза шляпе. Мы не нашли.

Замученную, едва дышащую девочку вынесла на руках грудастая, мужиковатая спортсменка, бывшая чемпионка страны в лыжной гонке и в эстафете. Вынесла из ничем не

примечательной холостяцкой квартиры, где рядом с оглушенным растлителем-педофилом лежал зарезанный напарник.

Спортсменку, добровольца поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт» звали Тамарой, позывной Томка.

— Эх вы, — презрительно бросила она, когда скорая со спасенной девочкой, врубив сирену, умчалась прочь. — Опера сраные.

Месяц спустя вместо убитого на поиске в паре с Томкой вышел я...

Пить я не стал. Вместо этого подключился к Сети и на форуме «Лизы Алерт» в теме «Пропал Орехов Игорь, 13 лет, с. Власово, г. о. Шатура, МО» оставил стандартную запись: «Леший, Сибирячка, Томка, Старик дома». Подпись понизу с номером моего телефона: «На связи 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 в году» добавилась автоматически.

Звонок раздался наутро, едва я разлепил глаза.

— Мне сказали, — сбивчиво заговорили на другом конце линии. — Посоветовали... Это Орехова, Зина. Мама Игоря. Сказали к вам. У меня информация. Очень вас прошу... Чрезвычайной важности.

Я встретил заплаканную, чудом держащую себя в руках Зину Орехову через час, на набережной у Таллинского парка. Еще через десять минут усвоил «информацию чрезвычайной важности». Она была заведомой липой, эта информация — банальной мистической ерундой, которой в «Ли-

зе Алерт» пренебрегали. Всякого рода паранормалы изрядно осложняли нам жизнь, потому что отчаявшиеся родители пропавших детей сплошь и рядом принимали исходящую от экстрасенсов и колдунов запредельную чушь за чистую монету. На этот раз информация исходила от ясновидящей. То ли гадалки, то ли знахарки, утверждающей, что Игорь жив.

— Она поклялась, — утирая глаза, лепетала несчастная Зина. — Что живой. Что в смертельной опасности. Что еще, может быть, неделя, не больше. Что... Помогите! Помогите же мне, ради всего святого!

Скрепя сердце, я записал адрес и телефон ясновидящей и обещал разобраться. Давя в себе жалость и сострадание, долго смотрел удаляющейся Зине вслед. Тратить время на визиты к шарлатанам неписаным Уставом отряда «Лизы Алерт» запрещалось. Я и не собирался его тратить, но внезапно вспомнил историю нашей новенькой, Насти Юденич, позывной Сибирячка. Рассказанной в двух словах, пока я подбрасывал ее к студенческой общаге на Ярославском шоссе по окончании поиска. Поскольку дело касалось напарницы, эту историю, в отличие от прочих того же толка, мимо ушей я не пропустил. Досадливо вздохнув, я набрал Настин номер.

* * *

Анастасия Юденич, 20 лет, общежитие МСГУ, Ярославское шоссе, Москва, студентка второго курса

Со старой Акимовной у этой рослой, черноволосой и черноглазой красотки по имени Злата не было ничего общего.

— Хотите верьте, хотите нет, — сказала Злата, подвинув ко мне налитую до краев из пузатого самовара чайную чашку. — Моя мать была ясновидящей. Колдуньей, если вам будет угодно. Моя бабка тоже. И прабабка. И пра-пра... Я вижу этого... Этого... у меня язык не поворачивается назвать его человеком.

— Ирод поганый, бесовское отродье? — процитировала я Акимовну.

Злата помолчала, затем проговорила, пригубив чай:

— Так сказала бы моя бабушка. Или даже мама, когда практиковала в молодости. Но не я. Бесы и черти тут ни при чем. Иногда рождаются люди, а скорее, нелюди, обладающие особыми способностями. С детских лет, почти с рождения. Их мало, очень мало, но они были во все века. Природа обделила их внешностью и житейским умом. Но взамен позволила взрастить в себе нечто иное. Нечто черное, страшное, неподвластное обычному человеку. Особую ауру, позволяющую уйти за пределы нашего мира. Возможно, в четвертое измерение. Или в пространственно-временную капсулу, в которую хода нет, если только нелюдь в нее не затащит.

— Но если нет хода, — не поняла я, — то как вы...

— Как я об этом знаю? — прервала Злата. — Боюсь, вам не понять, я и сама не до конца понимаю. Но я вижу его и созданный им мир. И вижу временных обитателей этого ми-

ра, пока те еще живы.

— Хорошо, — твердо сказала я. — Где нам его искать?

Ясновидящая пожала плечами.

— Не знаю. Он может быть где угодно. Не слишком далеко от входов в свой мир, но и не близко. Он еще подросток. Уродливый, нелюдимый, замкнутый в себе социопат. У него серьезные отклонения психики. Ищите. Только помните: у вас мало времени. Очень мало. Те, кого нелюдь затаскивает в свое обиталище, долго не живут.

Я кивнула, положила на стол конверт с пятью тысячными купюрами — плату за визит, все, что у меня было. Затем поднялась.

— Последний вопрос, — бросила я, стараясь звучать бесстрастно. — Допустим, мы найдем его. Что нам с ним делать?

Ясновидящая вскинула на меня взгляд.

— Выход лишь один, — медленно, чеканя слова, проговорила она. — Нелюдя надо убить. Физически уничтожить. Но кто-то при этом должен находиться там. У входа в его логово. Чтобы успеть вытащить жертву, когда оболочка его мира распадется.

Вечером мы вчетвером собрались в кафетерии на Арбате. Трое напарников, сосредоточенные, насупившиеся, выслушали меня. Бывший морпех, бывшая спортсменка и бывший мент. Когда я закончила, все трое долго молчали. Затем Леший сказал с досадой:

— Ну и чушь, прости господи. Всякого ожидал, но такого...

— А если не чушь? — азартно отозвалась Томка. — На поиске ты сам напомнил про девочку из Западного Бирюлева. При схожих обстоятельствах пропавшую и, кстати, неподалеку от того места, где Игорь. Отец девочки тогда тоже ходил к ведьме или к кому он там ходил. И та уверяла его, что дочь жива.

Леший досадливо покрутил головой.

— Ну допустим, — сказал он. — Чисто гипотетически допустим, что это все не бред сумасшедшего. Предположим, я подключу оперов. По старой дружбе они не откажут. Прощерстят московские психдиспансеры и найдут сотню-другую подходящих кандидатур. И что дальше? Может быть, нам их передушить? Всех, для верности.

— Почему всех? — выпалила я. — Мы попросту покажем фотографии Злате. Она говорила, что видит этого человека.

— Нелюдя, — поправил Старик.

— Пускай нелюдя. Раз видит, сумеет и опознать.

— Хорошо, — Леший кивнул. — Допустим, она опознает. Ткнет пальцем в кого-нибудь наугад. Что дальше? Мы удавим его или заколем? Ни в чем, судя по всему, не повинного несчастного психа? Взяв на веру слова явной шарлатанки, возьмем его жизнь? И сами потом сядем? Так ты хочешь?

— А если гадалка или кто она там сказала правду? — Томка задумчиво побарабанила пальцами по столешнице. — Выходит, не поверив ей, мы все равно убьем? Только не

этого гада, а ни в чем не повинного пацана? Так получается?

Я оглядела их по очереди, одного за другим.

— Леший, найди его, — попросила я. — Пожалуйста. И отдай мне. Вы знаете друг друга давно. Я новичок. Такой, как он, два года назад замучил моего брата. Поэтому я одна все сделаю, на вас мой грех не падет.

Они вновь долго молчали. Затем Старик сказал твердо:

— Так, девочка, у нас не делается. Вместе заварили кашу, вместе и расхлебывать будем. Найди его, Леший. Девчонок отправим в лес и вдвоем сделаем. Убивать, конечно, не станем. Но спросим с него. Так спросим, чтобы он ответил.

* * *

Стас Белов, 18 лет, Некрасовка, Москва, без определенных занятий

Утром, едва курва ушла на завод, а малолетка в школу, Толян отметелил меня, отволол в туалет и окунул лицом в унитаз. Теперь, когда с нами не жила больше карга, он распускал грабки чуть ли не каждый день.

— Жри, придурок, — шипел Толян. — Аутист гребаный, свинья. Когда ты наконец сдохнешь, курвяк?

Я, как всегда, молча стерпел и, едва Толян выдохся, ушел в Залесье. До полудня забавлялся злключениями бедолаги-заморыша. Я загонял его в топи и буреломы, спускал на него волчью стаю, натравливал драконов и змей. Пленник

уже едва переставлял ноги, от былой прыти не осталось и следа.

— Когда ты наконец сдохнешь, курвяк? — словами Толяна мысленно спрашивал я жалкого заморенного маменькиного сынка. — Придурок гребаный, тупая свинья.

За развлечением я не заметил, как вернулась из школы малолетка, и на несущиеся из гостиной крики и шум возни внимание обратил не сразу.

— Стас, — пробил меня наконец истошный, надрывный крик малолетки. — Стас, помоги! Стасик!

Нехотя я поднялся на ноги и двинулся на зов. На пороге остановился. Малолетка с разбитым в кровь лицом полуголая лежала на полу навзничь. Татуированная туша Толяна нависала над ней. При виде меня Толян вскочил на ноги.

— А ну пошел нахрен, гаденыш, — заорал на меня он. — Чтобы духу твоего, вонючка, здесь больше не было!

Малолетка метнулась в сторону, на карачках припустила прочь, отсвечивая голой задницей.

Я пожал плечами и вернулся к себе...

— Спасибо, Стасик, родной, — причитала час спустя малолетка. — Еще чуть-чуть, и этот гад бы меня изнасиловал. Если б не ты...

Я, как обычно, смолчал. Что такое «изнасиловать», я представлял из каких-то давным-давно читанных книжек. Ничего страшного, как по мне, в изнасиловании не было. Мордой в унитаз гораздо унизительнее и противнее.

— Пригрозил, если скажу маме, убьет, — не унималась малолетка. — Он и вправду убьет. Зарежет, видел его выкидую? Что ж мне теперь делать, Стасик, а? Что делать-то?

Мне было совсем не жаль малолетку. Мне никого было не жаль. В том числе и себя. Но на этот раз молчать я не стал, сам не знаю почему. Я разлепил губы и выдавил из себя первые за множество лет слова:

— Пусть только попробует, гнида.

* * *

Артем Головин, 36 лет, Печатники, Москва, старший группы Лиса-4 поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», позывной Леший

Рослая, чернявая шарлатанка листала фотографии из собранной операми стопки на манер цыганской гадалки, тасующей карточную колоду.

— Вот он. — Чернявая прекратила наконец тасовать и щелчком запустила по столешнице выдернутый из стопки снимок.

С фотки недобро глядел на меня лопоухий и лупоглазый урод, похожий на обиженную, недовольную жизнью обезьяну. «Станислав Белов, — прочитал я на обороте. — Филиал № 3 психлечебницы № 13, Волжский бульвар 27, Некрасовка, Москва».

— Красавец. — Я поднялся на ноги. — Сколько с меня?

– Нисколько, уже уплачено. Вы ведь мне не верите?

– Ни на грош, — признался я.

– Напрасно.

Я не стал спорить и убрался вон. Я на самом деле ничуть ей не верил, но данное слово следовало держать, и я погнал джип в Некрасовку. Разыскал местного участкового, сдоил с него информацию. Час спустя я поделился ею с напарниками.

– Станислав Иванович Белов, восемнадцать лет от роду. Проживает с матерью, отчимом и младшей сестрой. Отец осужден на пожизненное за тройное убийство с отягчающими. Мать мотала два срока за воровство. Отчим тоже та еще сука, клейма ставить негде. Выдающаяся, в общем, семейка. Сестрица только не при делах. Надо понимать, молодая еще, потом наверстает.

– А сам он? — осведомился Старик.

– Вот насчет самого информации почти нет. Страдает аутизмом и латентной шизофренией. Полгода провел в лечебнице, потом выписали. День-деньской сидит взаперти, в четырех стенах. Чем занимается, неизвестно.

– Это как раз известно, — выпалила Сибирячка. — Детей мучает.

Я крякнул с досады.

– Пока не пойман, не вор. Значит, так: Тамара, возьми мое корыто и вместе с Настюхой дуйте на объект. Чтобы к утру были на месте! Поляну ту с пнем найдете?

Томка кивнула.

— Не волнуйся, найдем.

— Хорошо. Как придете, кинете смс, мы со Стариком сразу начнем. И это... поосторожнее там.

— Что ж так? — не удержалась от сарказма Настя. — Чего осторожничать, если все это бред сумасшедшего? Ты же в бесовщину не веришь.

Я помолчал. Затем признался:

— Не верю. В бесовщину нет. Но я верю в чудеса. В то, что они случаются. Иногда, крайне редко, но бывают.

* * *

Анастасия Юденич, 20 лет, общежитие МСГУ, Ярославское шоссе, Москва, студентка второго курса

Меня колотило дрожью с самого утра. Стояло тихое, ласковое бабье лето, и лес был спокойным и строгим, и мягко стелилась под ногами покорная увядающая трава, а меня крутило от нетерпения и острого ощущения надвигающейся опасности.

— Что с тобой? — встревоженно спросила усевшаяся на тот самый пенёк, за которым терялись следы пропавшего, Томка. — За мужиков волнуешься? Напрасно. Леший и Старик люди тертые, за просто так не подставятся.

— За нас, выходит, ты не беспокоишься? — спросила я.

— А за нас-то чего? — Томка пожала плечами. — Где псих,

и где мы. Сидим, ждем. Если случится что, Леший нам сообщит. Только ты уж прости, подружка, что тут может случиться?

— Не веришь? — вопросом на вопрос ответила я.

— Да как тебе сказать. Я как Леший. В хорошее верю. В дерьмо всякое — нет.

— Это потому...

Я не успела закончить фразу. Метрах к пятнадцати к востоку лесная опушка вдруг будто треснула, раздалась в стороны. Меня опалило жаром, от грохота заложило уши, и ярким светом хлестануло по глазам. Не удержав равновесия, я упала на спину, но тут же вскочила и бросилась туда, где в багровом мареве с треском валились деревья, огнем занимались кусты, и кто-то невидимый утробно ревел, будто от нестерпимой боли.

— Назад, — орала у меня за спиной Томка. — Назад, дура! Назад!

Я головой вперед нырнула в марево, с треском, будто паутина, разорвавшееся под напором. Перекатилась в падении, вскочила на ноги.

Вокруг меня умирал, рушился невиданный мир. Стремительно увядала трава, падали как подкошенные диковинные цветы. На северном горизонте накренился и повалился лес, на восточном, надломившись, обрушился горный пик. На западном...

Я обернулась на запад и обмерла. С разящего багряными

сполохами неба на меня стремительно неся дракон.

* * *

Стас Белов, 18 лет, Некрасовка, Москва, без определенных занятий

Пленник издыхал. Он не мог уже больше перемещаться и недвижно лежал в траве, скукожившись, свернувшись в калач, будто пытался уменьшиться в размерах перед гибелью. В своей разодранной, нелепой красной тужурке он выглядел каплей крови, оброненной на зеленое сукно.

«Часа два осталось, — по опыту определил я. — Может, три».

Я мог бы помочь умирающему и отправить к нему ящера или тигра, но почему-то делать этого не хотелось. Я как раз пытался сообразить, почему именно, когда на пороге нарисовался Толян.

— Слышь, придурок, — гаркнул он. — Аутист гребаный. Сиди тут и не высовывайся, понял? Я спрашиваю: понял, сука?

Я не ответил, Толян убрался, и стало тихо. Курва, как обычно, затемно отправилась на завод ишачить. Малолетка накануне прихворнула и потому в школу не пошла — валялась в спальне, которую раньше делила с каргой, на огороженной ширмой кушетке сразу за гладильной доской. Я намеревался побездельничать, наблюдая, как издыхает плен-

ник, так что никуда высовываться и не собирался. Толян мог быть спокоен.

С четверть часа я то тут, то там лениво латал Залесье. Добавил деревьев туда, где прохутился лес. Повернул реку, чтобы орошала дальние луга. Проредил не в меру расплодившуюся волчью стаю. Изредка я бросал взгляд-другой на умирающего маменькиного сынка. Тот еще дышал.

Я собирался заглянуть в пещерный город проведать львов, когда в своей спальне заорала вдруг малолетка.

— Стас, помоги, — истошно голосила она, как тогда, три дня назад. — Стас! Ста-а-а-асик!

С четверть минуты я раздумывал. Затем нехотя поднялся на ноги. «Пусть только попробует, гнида», — вспомнил я свои неосторожно сказанные слова. Малолетка продолжала орать, и я медленно, нога за ногу, потащился на голос. Пересек гостиную и ступил через порог спальни.

Из-за ширмы доносились теперь звуки возни, крик малолетки стих, сменившись на скулеж, и я подумал, что Толян, видать, ее уже изнасиловал, и надо бы вернуться к себе, но почему-то возвращаться не стал. Вместо этого я подхватил с гладильной доски утюг и рванул створки ширмы на себя.

При виде меня Толян извернулся, вскочил на ноги и махнул рукой. Я не успел понять, что произошло. Мне стало вдруг больно, нестерпимо больно. Утюг выпал и загремел по половицам. Я упал на колени, затем завалился на спину. Боль ярилась, бесновалась у меня в груди. И почему-то назойливо

ввинчивался в уши дребезжащий зуммер дверного звонка.

* * *

Артем Головин, 36 лет, Печатники, Москва, старший группы Лиса-4 поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», позывной Леший

— Довольно, — каркнул Старик, когда доносящиеся изнутри крики стихли. — А ну, отойди в сторону!

Он перестал жать кнопку дверного звонка и отступил назад. Я посторонился. Секунду спустя Старик с разбега высадил ногой входную дверь. Мы ворвались вовнутрь.

Здоровенный, голый, с ног до головы татуированный бугай с раскроенным черепом лежал ничком на пороге спальни. Забившись в угол и заходясь икотой, мелко тряслась расхристанная, растрепанная девица. Замаранный кровью чугунный утюг прикорнул к стене у ее ног.

Станислав Белов, раскинув руки, лежал на полу спальни навзничь. Рукоять ножа выпирала у него из грудины. На губах пузырилась кровавая пена, но он еще дышал. Я упал перед ним на колени, рывком обернулся к Старiku.

— Скорую!

Старик скривил губы. Неспешно огляделся по сторонам.

— Зачем? — процедил он. — Зачем скорую? Тут за нас проделали нашу работу — этот уже не жилец. Звоним ментам и уходим.

— Постой, — я метнулся к девице. — Это ты? — мотнул я головой в сторону бугая. — Это ты его?

Девушка затряслась пуще прежнего, судорожно закивала. Я сорвал с пояса флягу с водой.

— На, попей! Успокойся!

— Это я, — прохрипел вдруг с пола умирающий аутист. — Не она, это я его, гниду. На меня все валите, понял, ты? На меня...

Через три минуты он испустил дух.

* * *

Анастасия Юденич, 20 лет, общежитие МСГУ, Ярославское шоссе, Москва, студентка второго курса

Дракон наискось, сверху вниз несся в атаку. Томка вывернулась у меня из-за спины, вскинула травмат, выпалила в упор. Миг спустя дракон обрушился на нее, похоронил под собой. Я шарахнулась назад, споткнулась, упала на спину, приложилась затылком о камень и потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, все было кончено. Диковинной травы и цветов больше не было. И горного пика не было. И дракона. И небо из багрового стало серым. Стояло спокойное, тихое, ласковое бабье лето. И лежала в пяти шагах изломанная, раздавленная драконьей тушей мертвая Томка.

Я бросилась к ней, в двух шагах остановилась, застыла. В двадцати метрах западнее что-то алело в увядающей траве.

Мгновение спустя я поняла, что это, и метнулась туда.

Парнишка был жив. Изможденный, грязный, весь в ушибах и ранах, он все еще дышал. Я упала перед ним на колени, выдернула из-за пазухи мобильник. Трясущимися руками нашла в адресной книге номер горячей линии «Лизы Алерт».

— Здесь Анастасия Юденич, позывной Сибирячка, — прохрипела я в трубку. — Нахожусь в лесу, в двенадцати километрах юго-восточнее Черустей. Пропавший Игорь Орехов. Найден. Жив. Напарница Тамара Бестужева, позывной Томка, погибла. Нуждаюсь в помощи. Повторяю: нуждаюсь в немедленной помощи.

— Вас понял, — рывкнуло в трубке. — Высылаю людей и скорую.

— Скорая здесь не пройдет. Вертолет! Необходим вертолет.

— Понял вас. Высылаю.

Телефон выпал у меня из ладони. Я подхватила спасенного паренька, прижала к себе.

Чудеса случаются, вспомнила я. Иногда, крайне редко.

Василиса Павлова

ЧП номер семь

Эй, ну как ты кидаешь? Ну куда ты кидаешь?! Не видишь — мимо летит? А потом будешь обижаться, претензии предъявлять: Чижик-Пыжик плохой, желание не исполнил, счастливой не сделал. Прицеливайся давай... Вот, уже лучше, монетка почти крыла коснулась. А если пригоршней мелочи сразу? Поищи, может, найдешь в кармане хотя бы штук пять, сбросишь сразу все, авось хотя бы одна меня достанет. Ну вот, я же говорил, попала точно по макушке. Молодец, утирай слезы! Ну-ка, что ты там загадала, зареванная моя? Андрея вернуть? Ох, Оксана, дурочка несчастная, никуда он от тебя не уходил. Он ведь тебе сегодня предложение хотел сделать, а ты его пилить начала, причем из-за сущего пустяка... Подумаешь, опоздал. Он кольцо тебе выбирал в ювелирке, полмагазина облазил, всех продавщиц на уши поставил. Ну и конечно, когда ты его встретила звериным оскалом, он и психанул. Тут любой нормальный мужик психанет. Ладно, не плачь, обойдется все. Да вернется он, говорю тебе, остынет и вернется! Иди домой, глупенькая, утром твой Андрей позвонит и извинится. И будете вы еще жить долго и счастливо. Не веришь? Да уж поверь. Это я тебе говорю, Чижик-Пыжик, тот, кого вы городским талисманом называете, добрый дух, между прочим.

А вот, кстати, почему Пыжик? Ладно, про Чижику понятно, птичку же в бронзе отлили, не мамонта, а вот пыжик тут при чем? Это же маленький олень, теленок малолетний. Разве я похож на теленка? Станные вы, люди, и названия даете странные.

Ну а ты, мил человек, чего шебуршишь там, наверху? Еще один ночной гость с горящим желанием? А веревка тогда зачем? Ой, гляньте, люди добрые, никак очередной собиратель монеток пожаловал! Да собирай, жалко, что ли, вон их сколько вокруг меня накинано! А сколько их в Фонтанку упало, меня не коснувшись! Только вот чтобы их достать, не веревка нужна, а водолазный костюм. Эй, ты че, дурак, что ли? Ты зачем долото и молоток с собой притащил? Да что я спрашиваю, ясно же зачем... Не монетки тебе нужны, меня от постамента решил отколупать. Ну, брат, мы так не договаривались. Ты вот объясни мне, птичке бронзовой, зачем я тебе сдался? Продать? Да кто меня, ворованного, купит-то? Утром же во всех новостях трубить начнут — ЧП городского масштаба, пропал Чижик-Пыжик, памятник и талисман, добрый дух Питера, нашедшему премию. В пункт цветмета отнесешь? Только там тебя и ждали. Не заплатят да еще и в полицию сдадут, они хоть ребята ушлые, но под статьей из-за неполных пяти килограмм бронзы ходить не станут. Подумай, пока не поздно... ладно, понял, поздно. Аккуратнее хотя бы, хвост не повреди.

Так, ну спасибо за приятную прогулку. Пыльный мешок

— отличная альтернатива виду на осеннюю Фонтанку. Дальше что? Ты меня домой, что ли, притащил?! В седьмой раз меня похищают, а чтобы домой притаскивали, такого не помню, обычно сразу на перепродажу несут. Нет, разок было, пару дней в чулане провалялся сначала. А тут прямо домашний-домушник. Я ведь правильно угадал, вор? Ну ладно, не угадал, а распознал, когда ты меня кольцом своим железным коснулся. Я ведь не Вольф Мессинг, чтобы мысли просто так слышать, мне от человека металл-проводник нужен. Поэтому и монетки надо бросать так, чтобы хоть вскользь меня задела, иначе ничего не пойму, не считаю. Вы же странные, люди, вам как с детства внушили, что вслух желания произносить нельзя — не сбудутся, волки услышат, так вы этому суеверию всю жизнь и следуете. Ну так хотя бы мелочь не жалели, кидали бы до попадания! А то кинут молчком и мимо, а мне гадай!

А вот скатерть постирать надо, на такой прямо стоять противно, вся в пятнах. Да, я сам тоже не идеал чистоты, хоть и талисман, но тут издержки профессии — пыль летит, дождь, снег, коллеги-птицы следы оставляют, чтоб их... Ладно, зачем притащил-то, рассказывай? Самолюбие воровское потешить, перед друзьями похвастаться — смотрите, что упер?

Ну вот, говорю же, дурак. Ты зачем под меня бумажку сунул? Я тебе икона, что ли? Не понимаю я бумажек, нет у меня с ними родства. И теперь что, будешь ждать, когда твое желание, которое я не услышал, исполнится? Ну жди, пока

не поумнеешь.

Конеч-е-чно, месяц прошел, ты в том же дерьме барахтаешься, а виноват, разумеется, Чижик-Пыжик. Потому что «не работает», видите ли. Знаешь, насколько я тебя успел узнать, и не сработало бы, даже если бы у тебя ума хватило монеткой меня коснуться. Потому что жадный ты мужик и ленивый к тому же. Наверняка денег попросил, просто так, за здорово живешь. Я тебе секрет открою — злым и жадным я не помощник. В курсе ведь, какой у меня статус? Талисман я, добрый дух. Я бы еще пошел навстречу, если бы ты для матери старенькой корову попросил или машину дров бесплатно, или тарелку спутниковую, чтобы телевизор у нее на сто каналов работал. Придумал бы, как их поселковому председателю эту мысль внушить. Или, например, работу тебе хорошую найти, чтобы со временем мать смог к себе забрать. В офис бы я тебя не устроил, конечно, а вот слесарем на завод, да с пакетом социальным, с зарплатой крепкой, чтобы на нормальную жизнь хватало.... Да ну, о чем я, разве ты такое бы загадал? А так, тебе лично, здоровому бугаю, богатство да без всякой благой цели? Чтобы шелковый халат носил, баб менял как перчатки, жрал от пуза и пил не просыхая? Да уволь, не стал бы помогать. Нет, я не в прямом смысле — уволь... куда, опять в мешок?!

Ох, и странные вы все же, люди. На две бутылки водки меня обменять! И этот тоже хорош, интеллигент. Разве интеллигентный человек ворованное купит? Небось сразу со-

образил, откуда птичка прилетела. И размер — не карманный же я сувенир, а тяжелый, полновесный, да и бронзу ни с чем не спутаешь. А вот взял и обменял. Самолично в магазин сбегал, два пузыря ворюге купил и меня прямо с мешком забрал. Хоть бы уж вытащил побыстрее, надоело в пыльную мешковину упираться.

О, привет, пацан! И вам, уважаемый кот, тоже здравствуй-те! Я хоть и бронзовый чижик, но по образу и подобию, поэтому некоторые птичьи опасения унаследовал. Ладно, знаю, что ничего ты мне не сделаешь, даже поцарапать, наверное, не сможешь, но знай — я с тобой ссориться не хочу, держись подальше! А может, зря я так? Вон ты какой, рыжий, толстый и морда добродушная. Говорят, питомцы со временем становятся похожими на своих хозяев, хотя по пацану такого не скажешь — худенький, вихрастый, скулы торчат и тоска в глазах. Что случилось-то, парень, поделись! Да, а вот сейчас интересно будет послушать, как тебе отец мое появление в доме объяснит?

Надо же, все правильно сказал про талисман, который приносит счастье хорошим людям, исполняет самые заветные желания. Так оно и есть, желание должно быть заветным, горящим, так, чтобы металл, который к руке прикасался, обязательно мне его тепло передал. Не температуру по Цельсию, конечно, а ментальную. Бывали случаи, когда монетки аж обжигали, едва касаясь, и уж если человек при этом был хорошим, с чистыми помыслами, — тут уж я старался

изо всех своих птичьих сил, чтобы помочь. Правда встречались «горящие» монетки и с ненавистью, пылали желаниями кого-то со света извести или гадостей наделать — из ревности там, мести. Нет, это не ко мне, тут хоть золотом обсып — выполнять такое не буду. А ведь тоже некоторые потом обижались, недоумевали, почему не сработало. Вам-то что от меня надо, люди добрые и уважаемый кот? Зачем меня в свой дом поселили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.